

ОГОНЁК
№ 38 СЕНТЯБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Опытно - показательное строительство крупноблочной школы на Хорошевском шоссе в Москве.
Фото В. Кругликова.

На первой странице обложки:
А. И. Лактионов.
ЗА ВЫШИВАНИЕМ. 1954.
Всесоюзная художественная выставка.

На последней странице обложки: Бархатное дерево в Подмосковье.
Фото Е. Тиханова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 38 (1475) 18 СЕНТЯБРЯ 1955

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЩЕДРАЯ ОСЕНЬ

Подготовка арбузов к отправке на станции Мелитополь.

Фото С. Безносова и В. Максимова.

Над просторами нашей Родины все ярче разгорается осенний багрянец. Близится к концу уборка на колхозных и совхозных полях. На юге уже обмолочены хлеба; на сдаточные пункты поступают поздние овощи; начался сбор хлопка.

Первыми в Узбекистане приступили к сбору урожая труженики полей Кашка-Дарьинской области. На заготовительные пункты сданы сотни тонн хлопка-сырца.

По дорогам Сурхан-Дарьинской, Самаркандской, Андижанской и других областей потянулись красные обозы с «белым золотом». Хлопкоробы прилагают все усилия, чтобы достойно встретить XX съезд КПСС.

Среди щедрых даров осени — арбузы, виноград, яблоки, сливы. Издавна славятся мелитопольские арбузы. Ежедневно со станции Мелитополь отходят составы, груженные арбузами. За сентябрь кооператоры отправят в Москву, Ленинград, Мурманск, Архангельск, Сталино, Ворошиловград и другие города более 20 тысяч тонн.

По земле советской идет щедрая осень.

Красный обоз с хлопком нового урожая. Алтын-Кульский район, Андижанской области.

НОВЫЙ УСПЕХ СИЛ МИРА

На завтраке у Федерального Канцлера Германской Федеральной Республики доктора К. Аденауэра в загородной резиденции 11 сентября. На снимке (слева направо). заместитель председателя комиссии по иностранным делам Бундестага **К. Шмид, Н. С. Хрущев, М. Г. Первухин, Н. А. Булганин,** Канцлер ГФР доктор **К. Аденауэр,** Министр иностранных дел ГФР доктор **Г. фон Брентано, В. М. Молотов, М. А. Суслов.**

Фото Д. Шоломовича.

Заключительное заседание Правительственных делегаций Союза Советских Социалистических Республик и Германской Федеральной Республики.
Н. А. Булганин подписывает письмо об установлении дипломатических отношений между СССР и ГФР, адресованное Канцлеру Германской Федеральной Республики **К. Аденауэру.**

Фото А. Гостева.

13 сентября в Москве успешно закончились переговоры между Правительственными делегациями Союза Советских Социалистических Республик и Германской Федеральной Республики.

Переговоры происходили в обстановке взаимопонимания. Во время заседаний Правительственных делегаций, которые происходили с 9 по 13 сентября, состоялся широкий и откровенный обмен мнениями по вопросам взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Германской Федеральной Республикой. Было достигнуто соглашение установить дипломатические отношения между обеими странами, учредить с этой целью Посольства соответственно в Бонне и Москве и обменяться дипломатическими представителями в ранге Чрезвычайных и Полномочных Послов.

В письмах, которыми обменялись Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин и Федеральный Канцлер ГФР К. Аденауэр, выражена уверенность в том, что устанавливаемые ныне дипломатические отношения будут способствовать развитию взаимопонимания и сотрудничества между Советским Союзом и Германской Федеральной Республикой в интересах мира и безопасности.

Отъезд из Москвы Правительственной делегации Германской Федеральной Республики. На снимке (слева направо). **В. М. Молотов,** доктор **Г. фон Брентано, Н. А. Булганин,** доктор **К. Аденауэр, М. А. Суслов, М. Г. Первухин** и другие на Внуковском аэродроме

Фото А. Гостева.

Немецкий оркестр в Москве

Выступление камерного оркестра под управлением Вильгельма Штросса в Малом зале Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского.

Фото Е. Тиханова.

Гастроли камерного оркестра Германской Федеральной Республики вызвали живой интерес, особенно среди музыкальной общественности столицы. Коллектив этот, выступающий в составе 18 человек под управлением дирижера Вильгельма Штросса, давно пользуется известностью талантливого и проникновенного исполнителя произведений великого немецкого композитора Иоганна Себастьяна Баха и других выдающихся музыкантов.

Челнок и капля воды

Тяжелый полированный челнок — основа ткачества. Он родился раньше, чем были созданы ткацкие станки. Еще в древности люди делали челноки из кости или крепкого дерева. С веками технология ткачества претерпела большие изменения. Однако челнок остался. Во всех станках мира он летает с поразительной скоростью от погонялки к погонялке. За час он покрывает расстояние, исчисляемое десятками километров.

И вот впервые на выставке «Десять лет народно-демократической Чехословакии» в столичном парке культуры и отдыха имени М. Горького мы знакомимся с технической новинкой. Работает обыкновенный ткацкий станок, но... челнока не видно. Едва слышно, как гудит небольшой электромоторчик. Готовая ткань быстро наматывается на товарный валик.

Владимир Сватый показывает свой бесчелночный ткацкий станок Фантину Левкоеву.

Фото Карела Крише

А кто же выполняет роль челнока, так молниеносно укладывая в ткань поперечные нити — уточины? Чешский изобретатель Владимир Сватый поручил эту шумную работу... капле воды. Под давлением в несколько атмосфер она вылетает из форсунки и увлекает за собой нить. Больше 20 тысяч таких нитей плотно укладывается в ткань за 60 минут. За форсункой установлена крестовая бобина, с которой водяные капли тянут нити метр за метром

От станка часами не отходят любознательные текстильщики, конструкторы, машиностроители. Многие пришли с фотоаппаратами, чтобы запечатлеть на пленке и потом показать это замечательное изобретение своим друзьям и знакомым. Сотни восторженных отзывов уже оставлены в книге посетителей.

Здесь мы встретили и новатора нашей текстильной промышленности лауреата Сталинской премии Фантина Дмитриевича Левкоева. Этот неутомимый изобретатель, создатель ряда станков и приборов, специально приехал с Куровского меланжевого комбината познакомиться с технической новинкой, а заодно и побеседовать с Владимиром Сватым.

— Оседлав каплю воды, вы похоронили челнок, а вместе с ним и мой станок для ремонта челноков,— сказал Левкоев чешскому изобретателю.— Но я нисколько не огорчен. Наоборот, рад вашим творческим успехам.

Фантин Дмитриевич преподнес Сватому сувенир — именную сафьяновую папку с тиснением московского Кремля и несколько своих брошюр из серии «Передовой опыт новаторов». В свою очередь, и Владимир Сватый подарил русскому товарищу Ф. Левкоеву иллюстрированный фотоальбом «Десять лет новой Чехословакии». Долгим рукопожатием оба изобретателя закрепили свое знакомство и личную дружбу.

Г. МЕНЧИНОВ

Матч дружбы

Знамена Великобритании и СССР развевались над спортсменами.

Фото Б. Светланова, А. Бочинина, Е. Умнова и О. Неелова.

Т. Хопкинс (слева) уже добилась победы. Она преодолела планку на высоте 170 сантиметров. Теперь она готовится к штурму мирового рекорда. На планке 174 сантиметра, и ее подруга Д. Тейлор желает ей успеха.

Четыре с половиной часа непрерывной борьбы, включившей в себя почти всю олимпийскую программу по легкой атлетике. Четыре с половиной часа стремительного бега, головокружительных прыжков, могучих усилий метателей. Четыре с половиной часа проявлений самой сердечной дружбы — таковым был матч легкоатлетов Великобритании и Северной Ирландии и спортсменов СССР.

Дух этого выдающегося по своему значению и результатам соревнования был выражен в выступлении заслуженного мастера спорта Н. Озолина. Приветствуя гостей, он сказал, что сегодня будут и победители и побежденные, но дело дружбы только выиграет.

Так оно и было. Когда спортсмены двух стран плечом к плечу двинулись по стадионному кругу, над ними символом дружбы развевались знамена Великобритании и СССР и легкий ветерок соединял словно в рукопожатии сине-красно-белое и алое полотнища.

Сколько было душевных, горячих рукопожатий в этот день! Когда Кристофер Чатауэй совершил свой стремительный бросок и первым закончил бег на 5 000 метров, он на самом финише пожал руку Ивану Чернявскому. Победитель бега на 800 метров советский спортсмен Георгий Ивакин и его товарищ Николай Маричев приняли сердечные поздравления Дерека Джонсона и Рона Гендерсона, а метатель диска англичанин Марк Фарао не только поздравил Бориса Матвеева, но тут же, в память об их встрече в Москве, вручил ему подарок — серебряную пепельницу.

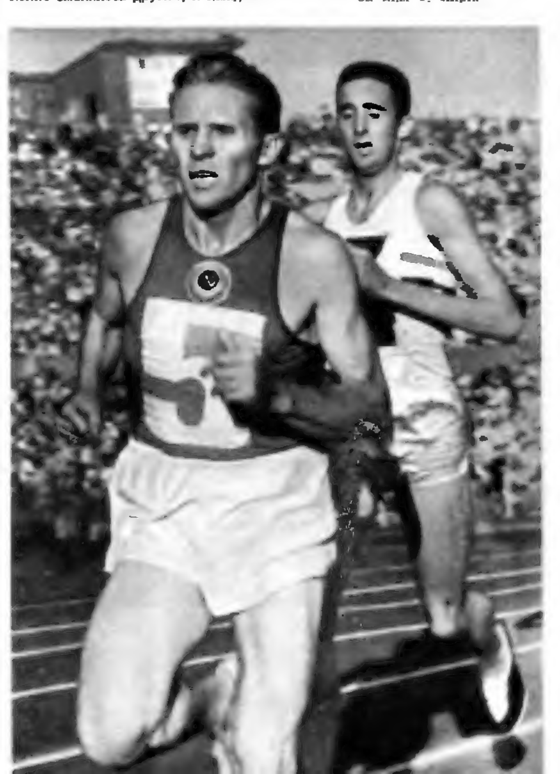
А как встречали зрители каждый успех английских спортсменов! Как подбадривали трибуны прекрасных английских бегунов на 3 000 метров с препятствиями Джона Дизлея и Кристофера Брэшера, когда они внезапно вырвались вперед и дружно устремились к финишу! Как аплодировали зрители победителю бега на 1 500 метров Брайану Хьюсону, показавшему, как надо выступать на этой трудной дистанции!

За все часы состязаний не смолкали аплодисменты шестидесяти тысяч зрителей, потому что не было спада в борьбе, и это придавало матчу еще больший интерес. С древних времен существует искусство мозаики. Художник, сочетая разноцветные квадратики, создает прекрасные произведения. Такую мозаичную картину напоминал матч английских и советских спортсменов. На беговых дорожках, в секторах прыжков и метаний непрерывной чередой одно выступление сменялось другим, и каждый спортивный эпизод входил как бы фрагментом в огромное и яркое полотно.

Все выступления были так плотно пригнаны друг к другу, что очень скоро зрители стали их воспринимать как единое целое. Вот стремительным рывком четырех тел закончился бег на 400 метров с барьерами, и аплодисменты, обращенные к победителю Анатолию Юлину, тут же перешли в овацию, вызванную прекрасным прыжком Телмы Хопкинс, преодолевшей планку на высоте 170 сантиметров. Вот зрители бурно приветствуют Игоря Кашкарова, взявшего высоту 2 метра 1 сантиметр, и тут же без паузы аплодируют Джеку Паркеру, выигравшему бег на 110 метров с барьерами, а затем Галине Виноградовой, прыгнувшей в длину 6 метров 28 сантиметров и установившей новый европейский рекорд.

Английские туристы на трибуне стадиона «Динамо».

В. Куц ведет бег на 10 000 метров. За ним Г. Пири.

Рукопожатие — это знак дружбы. К. Чатауэй (слева) и И. Чернявский.

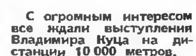
Бег на 110 метров с барьерами.

Рекордный прыжок Г. Виноградовой.

«Дяде больно», — и Ирочка, не заметив улыбки на лице английского бегуна Д. Иботсона, только что закончившего бег на 5 000 метров, в ужасе отвернулась.

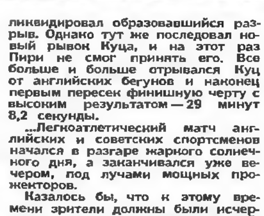
С огромным интересом все ждали выступления Владимира Куца на дистанции 10 000 метров.

За два месяца до приезда в Москву Кристофер Чатауэй, выигравший бег на 5 000 метров у Владимира Куца в Лондоне, заявил на страницах «Огонька»: «Владимир Куц, на мой взгляд, лучше выступает в беге на 5 тысяч метров. Хочу надеяться, что в течение двух лет он покажет себя столь же выдающимся бегуном и на дистанции 10 тысяч метров».

Куцу не потребовалось для этого двух лет. Выступая в августе на соревнованиях во Львове, он показал в беге на 10 000 метров второй результат в мире—29 минут 6,2 секунды (мировой рекорд, принадлежащий Э. Затопеку, равен 28 минутам 54,2 секунды).

Этот успех и разлучил Куца и Чатауэя в Москве, и борьба советского бегуна с двумя выдающимися английскими стайерами — Гордоном Пири и Кеном Норрисом — стала одним из центральных моментов легкоатлетического матча.

Англичане уступили Куцу право вести бег. Несколько раз совершал он внезапные стремительные рывки с тем, чтобы оторваться от своих соперников, но это ему не удавалось. За пять кругов до финиша Куц снова резко увеличил темп бега, и Пири только ценой больших усилий

ликвидировал образовавшийся разрыв. Однако тут же последовал новый рывок Куца, и на этот раз Пири не смог принять его. Все больше и больше отрывался Куц от английских бегунов и наконец первым пересек финишную черту с высоким результатом — 29 минут 8,2 секунды.

...Легкоатлетический матч английских и советских спортсменов начался в разгаре жаркого солнечного дня, а заканчивался уже вечером, под лучами мощных прожекторов.

Казалось бы, что к этому времени зрители должны были исчерпать весь резерв своих страстей, но начались эстафеты, и с каждым забегом все нарастал и нарастал мощный гул трибун.

Он нарастал от победы женской команды СССР в эстафете 4×100 метров к победе мужской команды СССР на этой дистанции и достиг своего апогея, когда был дан старт женской эстафете 3×800 метров. С каждым ее этапом возрастал накал спортивного азарта, а когда Нина Откаленко, завершая усилия своих подруг Аиды Лапшиной и Людмилы Лысенко, закончила дистанцию с новым мировым рекордом — 6 минут 27,6 секунды, разразилась просто буря. Казалось, что в этот момент гром оваций превзошел все то, что пришлось нам слышать. Но нет! Вот стремительно проносятся по кругу участники мужской эстафеты 4×400 метров, и победа английских бегунов в этом последнем номере программы вызывает еще более громогласный отклик трибун.

Матч закончен со счетом 220 : 141 в пользу команды СССР, и, прощаясь друг с другом, советские и английские спортсмены говорили:

— До новой встречи в будущем году в Лондоне.

В. ВИКТОРОВ

Команда СССР в эстафетном беге 3×800 метров — Л. Лысенко, А. Лапшина и Н. Откаленко — совершает круг почета после установления мирового рекорда

МЕЖДУНАРОДНАЯ АССАМБЛЕЯ ПАРЛАМЕНТАРИЕВ В ХЕЛЬСИНКИ

Юстас ПАЛЕЦКИС,
представитель Парламентской группы СССР в Совете Межпарламентского союза

Небо было безоблачным. Стояла жара, необычная для конца августа в Финляндии. В эти дни в Хельсинки происходила 44-я конференция Межпарламентского союза.

Разговоры о погоде характерны для дипломатов, когда им надо скрывать свои мысли. Здесь собрались не дипломаты, а члены парламентов, представлявшие различные политические и экономические системы, разные страны, расы и народы. Однако о погоде все же говорили, и много: с ораторских трибун, в кулуарах, на приемах, во время экскурсий. Это были разговоры об изменившейся политической погоде, о том теплом дыхании народов, от которого тает лед «холодной войны». Парламентарии разных стран и континентов выражали радость по поводу того, что эта теплота берет верх, что идеологам «холодной войны» не удалось заморозить дружбу между народами, охладить человеческие чувства, превратить «холодную войну» в «горячую». Политический климат Женевы оказывал значительное влияние на конференцию в Хельсинки.

По единодушно выраженному мнению, 44-я Межпарламентская конференция была самой авторитетной и наиболее широкой за всю историю существования Межпарламентского союза. В первой конференции Союза в 1889 году в Париже участвовали члены парламентов девяти стран: Франции, Англии, Бельгии, Дании, Венгрии, Италии, Либерии, Испании и США. Теперь членами Союза являются парламентские группы 43 стран.

— Как хорошо, что вы здесь!

— Присутствие делегатов Советского Союза придает особое значение и авторитет 44-й конференции.

— Теперь Межпарламентский союз становится широкой ареной, на которой могут не только обсуждаться, но и конкретно воплощаться принципы сосуществования.

Такие и подобные заявления слышались и в официальных речах и в частных разговорах. Об этом говорил глава английской делегации М. Стоддард-Скотт, суданец М. Магуб, турецкий представитель М. Бабан, француз Поль Бастид, представитель Индии Синха, делегат Ирана М. Саед и многие другие.

Вопрос об условиях мирного сосуществования государств был одним из основных вопросов повестки дня 44-й конференции. Сюда вошло обсуждение и таких вопросов, как юридические и моральные принципы сосуществования, международная безопасность и разоружение, развитие международных экономических и культурных связей.

Глава советской делегации Н. А. Михайлов в своем выступлении напомнил собравшимся о том, что под Обращением Всемирного Совета Мира против подготовки атомной войны собрано почти 656 миллионов подписей. Немыслимо, неразумно, говорил Н. А. Михайлов, не считаться с таким могучим проявлением воли народов к борьбе за мир.

Последней жертвой атомной бомбы, как образно выразился французский сенатор Лео Амон, должна явиться «политика с позиции силы». О необходимости использования атомной энергии в мирных целях пламенно говорил японский представитель Ямагата.

Подавляющее большинство делегатов разных стран высказало единодушное стремление к миру, сотрудничеству и взаимопониманию. Исключение составили лишь несколько ораторов, которые пытались сеять дух недоверия и разногласий. Но эти отголоски «холодной войны» встречали на конференции не поддержку, а отпор.

В речах и в резолюциях подчеркивалось большое значение Декларации Верховного Совета СССР от 9 февраля 1955 года, в которой отмечена ответственность за сохранение и упрочение мира, лежащая на парламентах. Всеобщим одобрением были встречены предложения о дальнейшем расширении и укреплении Межпарламентского союза, о развитии связей между парламентами путем взаимного обмена делегациями, организации международных и региональных совещаний представителей парламентов по важнейшим вопросам международной жизни.

Представители многих стран выступили за быстрейшее решение вопроса об участии в Союзе парламентской группы Китайской Народной Республики, что значительно усилило бы вес и авторитет Союза. Этот вопрос во время конференции остался нерешенным. В заключительном слове президент Межпарламентского союза лорд Стэйнсгейт выразил сожаление по поводу того, что КНР еще не принята в Союз, и обещал, что вопрос о членстве КНР будет рассмотрен в Исполнительном комитете нового состава.

Межпарламентская конференция — это не только официальные речи с трибуны зала заседаний финляндского сейма (их было произнесено более 180). Конференция — это также широкая возможность для установления личного контакта между парламентариями разных стран. Об этом, как об одной из важнейших задач, говорится в Уставе Межпарламентского союза.

Делегация Советского Союза привлекала всеобщее внимание и интерес. В кулуарах, на приемах и экскурсиях можно было видеть наших делегатов, оживленно беседовавших с представителями самых разных стран — от Цейлона до Ирландии, от Судана до Бразилии и США.

На последнем заседании 44-й конференции было избрано пять новых членов Исполнительного комитета, в том числе представитель Советского Союза Н. А. Михайлов. В состав нового Исполнительного комитета входят представители Англии, США, СССР, Таиланда, Швейцарии, Финляндии, Италии, Цейлона и Ирака.

44-я Межпарламентская конференция была весьма хорошо организована, и делегаты благодарны за это парламентской группе Финляндии, глава которой Л. Хельяс являлся председателем конференции.

Следующую, 45-ю конференцию Межпарламентского союза предполагается созвать в 1956 году в столице Таиланда — Бангкоке.

44-я конференция Межпарламентского союза имела большое значение. На конференции обсуждалось и в резолюциях получило оформление много хороших предложений, направленных на усиление борьбы за укрепление мира и развитие дружбы между народами.

Советские и индийские делегаты в кулуарах конференции.

НА ДАЛЬНЕМ

ОСТРОВЕ

Галина ШЕРГОВА

Фото С. Фридлянда.

Всякому, кто придерживается твердых пристрастий в выборе транспорта для путешествий, трудно ездить по острову Сахалин. Не случайно про остров этот говорят:

— Здесь кончается география и начинается Сахалин.

Тут есть районы, где проходит железная дорога, есть пункты, связанные с центром области только самолетными линиями, есть порты, к которым идут одни морские дороги, есть места, доступные только неустрашимому «ГАЗ-69», а к иным береговым постам пройдешь лишь в часы отлива по обнажившейся полосе океанского дна.

Нам пришлось воспользоваться всем разнообразием сахалинских транспортных средств. Нам указывали дорогу отвернувшиеся от моря односторонние лиственницы. Вслед нам океанский ветер бил в зеленые литавры упругих лопухов. Мы кочевали через перевалы, мы проезжали там, где недавно бушевали лесные пожары,— мимо мрачных кладбищ деревьев.

Перед нами открывались морские порты, где флаги разных наций, словно радуясь встрече, дружески похлопывают на ветру. Мы проехали по побережью, где, даже стоя спиной к воде, определишь, что ты в приморском городе или поселке: голубая паутина рыбачьих сетей заменила заборы прибрежным домикам.

На сплавной реке, плотно забитой лесом, мы пытались перейти на другой берег по бревнам, и когда я провалилась в воду, ребятишки-лесовики кричали:

— Тетя, по ним бегать надо!

Мы видели бумажные комбинаты, выпускающие первоклассную белоснежную бумагу. Мы посетили пестрый город пионерского лагеря, у входа в который суровый десятилетний дежурный, теребя бант в косице, сказал:

— Без пропуска впустить не могу. Закон требует порядка.

Все своеобычно на этом острове: пейзажи и ремесла, транспорт и люди. Да, сахалинцы — народ особый. Тут свои нравы и свои особые взаимоотношения. Недаром излюбленный девиз у сахалинцев: «Сто лет — не старость, тысяча километров — не расстояние».

1

В Южно-Сахалинске стояла нестерпимая жара, но мы уже знали, что местные жители не зря называют свою погоду «сердцем красавицы». Через час нежданно-негаданно мог хлынуть дождь. Нам уже рассказывали, как кинооператоры целый год ждали для съемок бурана, а когда в мае последние надежды покинули их, город вдруг заполонила метель.

Первое наше знакомство с городом — это обрывки уличных разговоров, афиши, вывески... Так, я узнала, что здесь гастролирует театр оперы и балета Бурят-Монгольской АССР, а постоянно работают русский и корейский театры; что филармония приглашает актеров с материка; что подписка на собрание сочинений Шиллера уже прекращена, потому что «на наш город никаких тиражей не напасешься». В белокаменном магазине «Книги» на Ленинской улице жаловались, что на Сахалин ежегодно отправляется «только» 3—3,5 миллиона экземпляров книг, и этого не хватает...

На улицах нас обступают различные голоса: окающие волжские, твердый говорок уральцев, лукавинка украинских прибауток. Со всех концов страны съехались люди на дальний советский остров. И интересное дело! Будто для того, чтобы люди не скучали вдали от родных мест, Сахалин приготовил им самые разнообразные пейзажи. В городском парке подмосковная березовая роща соседствует с витиеватой вязью чугунной беседки, прилепившейся к груде камней, ничем не отличимой от своей пятигорской подруги. Бетонный прямоугольник детского бассейна, который сторожат снежноголовые гипсовые вазы, казалось, шагнул сюда откуда-нибудь из-под Ленинграда. И, сфотографировавшись на живописном мостике, за которым топорщатся вечнозеленые деревья, вы можете смело послать знакомым фотографию с надписью: «Привет из Сочи».

По центральной аллее южно-сахалинского городского парка навстречу нам шли три девочки с велосипедами. Велосипеды были новые, радужные, с зеркалами, сетками, звонками, и девочки вели их торжественно, как коней под уздцы в парадной сбруе. Мы познакомились с этими девочками из 11-й школы. Там под руководством педагога Ольги Дмитриевны Карпенко школьники развели отличный сад. Велосипеды, которые вели Катя Сидорова, Рая Пихиенко и Капа Волгина, были премией ВСХВ юным участникам выставки, вырастившим на Сахалине розы и брюссельскую капусту, клубнику и кукурузу. Девочки имели право на гордость. Сад возник на мертвой земле, где не росла даже трава. Упрямые ветры выметали из почвы семена. И все-таки сад зацвел и наградил юных мичуринцев за труды.

Парк пестрел цветами. Душистые вороха их заполнили улицы города. И было понятно, почему сахалинцы называют свой город сокращенно — «Южный». Новые магистрали его с безупречно светлыми домами в этом цветочном половодье и впрямь напоминали улицы южного курорта. И аромат, нежный и волнующий, вызывал в памяти широкополую шляпу, розовые облупленные на коротком носу и два синих глаза Любы Кисель — садовода городского питомника. Этот ученый-садовод, водя нас по питомнику, вначале строго пояснял:

— Вот товарная продукция, готовая для реализации.

Но когда мы разохались от восхищения, синие глаза садовода залучились, и она уже совсем ненаучно прибавила:

— Какая красота, когда весь город утопает в цветах! Мы тут и своих сортов навыводили. Семена-то нам со всего Союза шлют.

Мы узнали, что Люба Кисель приехала из ивановского техникума с твердым намерением засадить суровый остров цветами. Позднее выяснилось, что и профессия и место работы были выбраны удачно по ряду причин. В том числе и потому, что здесь она вышла замуж за моряка (в этом уже повинно географическое положение Сахалина), а беспрестанные проводы и встречи корабля требуют цветов в неограниченном количестве...

Центральная аллея парка шла к станции детской железной дороги, за которой вздыбленные бесчисленными телами купальщиков коробились серо-синие волны озера. На берегу прыгали другие купальщики. Большинство из них было в трусиках и кепках — последняя деталь туалета указывала на недоверие к сахалинскому климату.

Залихватски прогудев, маленький паровоз засопел, точно набирая дыхание для бега, и двинулся в путь. Так как мы опоздали к отправлению, было решено идти дальше, чтобы встретить поезд в пути. Но эта вертлявая голубая ящерица опередила нас, хотя мы скосили километра полтора.

— Поосторожней, граждане! — послышалось у нас за спиной.— По полотну ходить не положено. И так неполадки по уровню. Балласт, будь он неладен...

На полотне, нагнувшись и положив руки на колени, стоял мальчуган. И поза и тон изобличали в нем человека рабочего. Он так и представился: «Путевой обходчик Баринов Геннадий, ученик 7-го класса».

В березовой роще нам открылась картина, в которой были соблюдены все детали тургеневского пейзажа: березки, девушка с бантом в косах и раскрытая на коленях книга. Современным в картине было главное обстоятель-

ство: девушка готовилась к экзаменам в институт. Мы могли утверждать это с уверенностью, потому что знали девушку: это была Соня Кобякова.

Накануне, в субботу, мы посетили Южно-Сахалинский педагогический институт. Заместитель директора по заочному отделению Виктор Максимович Вишневский рассказал нам, что недавно институт из учительского стал педагогическим, что он обеспечивает Сахалин своими кадрами, что большинство учителей неполной средней школы теперь заочно кончают институт. Для них создана специальная группа — 225 человек.

Потом Вишневский сказал:

— Из заочников советую побеседовать с Софьей Григорьевной Кобяковой, она преподает в очень интересном районе.

Кобяковой, дочери северосахалинского лесоруба, рано потерявшей отца, нелегко было получить образование. Она знала, что такое лишения, она ценила радость познания. Вероятно, потому Соня попросила направить ее туда, где еще мало учителей, где в них нужда. Ей дали направление в село Потово, в национальный колхоз маленького народа нивхов, затерянный в лесах.

Соня не спала всю первую ночь потому, что ей было страшно от стонущего воя ездовых собак, и потому, что завтра ей предстояло войти к незнакомым ребятам, которым она обязана открыть новый мир.

Рыбацкий колхоз нивхов так и назывался «Чир-Унвд» — «Новая жизнь». Новая жизнь уже вторглась в быт нивхов. Она заменила берестяную посуду фарфором, сняла с женщин одежды из рыбьей кожи; небо разговаривало с нивхами не при помощи молитвенных палочек — инау, а голосом радио. Но у нивхов еще не было образованных людей, и Соня рассматривала свое пребывание в Потове как высокую просветительскую миссию. Когда она на одном из первых уроков заговорила о путешествии Магеллана, любознательный Коля Азгун поднял руку:

— Земля круглая? Значит, можно пройти внутрь!

Да, они знали мало, но их интересовало все: как люди узнают про прошлое и что такое свитер, как стать самым сильным и есть ли бог, потому что старухи утверждают, что Сахалин тоже божество, у которого голова — Мыс Марии, а ноги — мысы Крильон и Анива.

Южно-Сахалинск. Городской музей.

Уроки были тесны, и Соня устраивала в клубе лекции и спектакли, она сама играла роли мальчиков, ее звали «Коля», «Миша». Не было педагогов по физкультуре и рисованию — она облачалась в брюки и вытаскивала на берег реки Тыми скамейку, служившую «бумом». А по ночам при керосиновой лампе сама училась рисовать.

Но когда ученики, провожая ее на заочную сессию, дали список книг, которые нужно привезти в Потово, у Сони радостно защемило в груди. Она поняла, что для маленьких нивхов открыт уже большой мир познания...

Побывали мы и в Южно-Сахалинском онкологическом диспансере, где лечат радиоактивным кобальтом некоторые формы раковых опухолей. Доктор Михаил Романович Смиллер показал нам выздоровевшего веснушчатого пациента. Доктор достиг больших успехов в «атомной» терапии.

И Соня Кобякова — учитель из колхоза нивхов, и доктор Смиллер, и синеглазый садовод Люба Кисель, и десятки встречных людей олицетворяли советскую культуру, которая пришла с новоселами на дальний остров. Эта культура тем значимей, чем будничней здесь ее проявления.

Отправка рыбы из Невельского холодильника.

2

Поронайский рыбный комбинат. Сжатые двумя свинцовыми плитами — морем и небом,— покачиваются катера. Над ними трепещут флажки и металлические по виду бусы нанизанной для сушки корюшки — рыбы с неожиданным запахом свежих огурцов. Женщины и подростки в резиновых фартуках и желтых резиновых нарукавниках ворошат груды крупной сероватой соли и лопатами подгребают камбалу к транспортерам. Зеленые шары стеклянных поплавков в мелкой кольчуге сетей напоминают арбузы в авоське московской хозяйки.

Мы забрели в рацию. В тесной, отгороженной фанерной перегородкой комнате толпились голоса. Это были голоса моря: суда разговаривали между собой. Мы прислушались.

— Контрабас 25, контрабас 25,— звал кто-то, — где вы, где вы, не слышу вас. Прием.

— Настроение упало, — жаловались с другого судна, — камбала отличная, а принимают вторым сортом, вторым сортом. Запах у нее из желудка, видите ли. Я ее сейчас одеколончиком, одеколончиком сбрызну. — Далее следовало весьма крепкое словцо, по обычаям радиоразговоров повторенное дважды. — Как поняли? Прием.

— Понял, понял я вас... Соляр вам и харч подволочет попутная посудина. Я послал. Сколько центнеров «ароматной» взяли?

Море говорило хриплыми голосами раций, оно жило, недосягаемое и бесплотное, как и говорящие где-то люди.

Видимо, чтобы избавиться от наших скучных лиц, директор комбината предложил: «На рейде стоит сейчас плавучий рефрижератор. Минут 20 ходу на мотоботе. Может, желаете осмотреть?»

Широкая самодельная лодка с мотором, именуемая гордым названием «мотобот», доставила нас к высокому борту рефрижератора. Он надменно поглядывал на нас сверху круглыми зрачками иллюминаторов. Нам сбросили шторм-трап — неверную канатную лестницу. Трап был грязный, скользкий, и мы неумело карабкались по нему, стараясь не оплошать перед командой, столпившейся на борту.

Первый помощник капитана, Иван Васильевич Усатов, провел нас по судну. Построенное два года назад в Дании по заказу советского правительства, комфортабельное и белое, судно имело на редкость «бытовой», почти сухопутный вид. Кубрики походили на студенческие общежития, а столовая и красный уголок могли с успехом располагаться при какой-нибудь портовой базе.

Потом Усатов рассказывал, мы записывали: «Морозильщики систематически выполняют план на 200 и больше процентов, несмотря на то, что на судне почти в два раза меньше людей, чем это предусмотрено. Получая план-наряд, судно уходит в море на неопределенное время: в 1953 году вышли на три месяца, а пробыли полтора года. Рыба принимается прямо в море с рыбачьих судов, морозится, а потом перегружается на транспорты».

— Может быть, вы могли бы привести примеры работы в трудных условиях, примеры героического поведения экипажа? — с надеждой спросили мы.

Но Усатов пожал плечами.

— Какой героизм? Работаем в любую погоду, вот и все!

Мы осмотрели еще моечный барабан, куда с рыбачьего судна поступает рыба, спустились в морозильное отделение. Там действительно веяло морозцем, и матросы-морозильщики работали в ватниках. Нажатием рычага матрос открывал окно, и рыба, толкаясь и точно торопясь, устремлялась на «стол зарядки». Здесь ее укладывали на металлические противни, которые, в свою очередь, ставились в «корзины» — кубические клетки-стеллажи. Корзины на блоках отправлялись в морозильные тоннели, откуда выходила уже мороженая, твердостучащая рыба.

Все размеренно и просто. Да, надо было прощаться. Усатов поднялся первым наверх, мы за ним.

В темноватом коридоре вдруг кто-то взял меня за рукав: «Гражданочка, можно вас на минуту?» Из-за полумрака я не могла рассмотреть лица говорящего, но по прерывистому дыханию было понятно, что он волнуется.

— Просьба к вам,— тихо произнес человек,— будете про рефрижератор писать, опишите, что мы тут делом занимаемся, а не просто так. А то некоторые думают...

— Кто это — некоторые? Начальство?

— Зачем начальство... В общем, гражданка одна в Чите проживает, так все насмехается: «гастрономщики», мол. Вот китобои или рыбаки даже — это да, а вы что, скучная профессия! — Он помолчал. — Вот и писем два месяца нет. Должны были получить сегодня, а судно, которое почту везло, завернули в другую сторону. И как не учитывают: тут писем, как в армии, ждешь. Ну, пока, в общем, извините.— И он исчез.

...Мотобот возвращался на берег под нудным белесым дождем. Кроме нас, в лодке ехал молодой парень, покрытый витиеватыми сюжетами татуировки. Он был отлично настроен и, кажется, даже не замечал дождя.

— Эх, красота! — вздохнул парень. — Все. Отмучился. Надоел этот холодильник — смерть. Списываюсь на берег.— Видимо, наши хмурые позы внушили ему доверие. — Знаете, что тут за жизнь? Шторма и шторма. У Курил недавно пять раз с места на место тыкались: все бьет и бьет. Пурга — от кормы носа не видно. Якорь не держит, выбираем — ложимся в дрейф. А тут рыбу принимать. Я морозильщиком работал. Мы на пару с тем парнем, который, я видел, к вам подходил. Корзину мотает. А в ней, чертяке, 1800 килограммов, железная. Парня-то как саданет! Он с катушек. Поднялся — его опять. Всего побило. Дурной — работает. А что ему за это, заплатят лишнее? Чер-

Сахалин. Порт в Холмске.

Пока папа обедает

Лермонтовское шахтоуправление. Добыча угля в открытом разрезе.

Южно-Сахалинск. Новое здание на проспекте имени Сталина

Ленинская улица.

та! Я плюнул, наверх поднялся. Нет, дурных нема...

Лодка тупо ткнулась в причал, и парень, не дожидаясь, пока примут конец, выскочил на пирс.

Мы снова молча бродили по берегу. Мы думали о том, что оказались не лучше «гражданки из Читы», что мы прошли мимо истинной героики. Мы думали о белом судне, уходящем от дома' ниведть на сколько, о вдохновенном бескорыстии «скучных профессий» океана...

Но надо было двигаться дальше, и вечером мы сели в поезд, поехали к Лермонтовскому угольному разрезу.

3

Жирные, разбитые ливнем огни плавали в мазутной, тяжелой черноте ночи. На полустанке Вахрушеве, где мы сошли с поезда, нас должна была ждать машина, но в каком месте она остановилась, определить было невозможно. Мы побрели наугад. И вдруг, отгородив черное пространство, возник свет фар, а из-за светового заслона послышалось:

— Вы на шахту, товарищи? Сюда, сюда идите.

И тут же сзади нас робкий голос повторил:

— Вы на шахту? Можно с вами? — Щуплая фигурка придвинулась к нам.

Все вместе мы подошли к машине. У машины стояло двое: шофер и еще какой-то человек с чемоданом в руке.

— Залезайте, товарищи.—Шофер махнул рукой, а затем, обращаясь к человеку с чемоданом, сказал:

— Ну, прощай, ничего не сделаешь — сам знаешь наш закон.

Человек хмуро, лениво бросил:

— Ладно, плевать. Не видал я вашего угля. Почище работу найду, непыльную. Водителю первого класса — везде дорога.

— Оно конечно,— согласился шофер. — Только здесь водитель — главный человек. Ну, по-[illegible]

— Будь здрав.— Человек зашагал к станции.

В промозглом однообразии ливня ночной мир казался неприютным, навсегда лишенным тепла и света. Я подумала о человеке, ушедшем из этой ночи к огням, и вспомнила татуированного беглеца с рефрижератора: вероятно, этот тоже спасался от нелегкой жизни на островной шахте.

Ехали молча. Вдруг наш случайный спутник, тронув шофера за плечо, спросил:

— А кто он, тот, который пошел?

— Водителем у нас на «МАЗе» был, уголь возил. Вот отъездился.

С утра солнце высветило поселок, сопки, и мы сразу забыли ночной неуютный мир.

После первого обхода угольного разреза мы поняли, почему вчера шофер сказал, что «здесь водитель — главный человек». Лермонтовская шахта не походила на обычные разработки. Здесь в сопках под пластом породы в 20—40 метров уже залегают угли. Причем угли отличные. Они не коксующиеся, но обладают малой зольностью и высокой теплотворностью.

Разработки ведут открытым способом: экскаваторы «УЗТМ» снимают с сопки породу, сваливая ее на сторону. Тут же шагающий экскаватор подбирает груды земли и переносит их в распадок между сопками. К обнажившемуся пласту угля подходит экскаватор «Воронежец» и, отгрызая массивы угля, сыплет его в самосвалы «МАЗ», которым предстоит доставить уголь до бункеров железной дороги.

От скорости и точности водителя «МАЗа» зависит количество добываемого угля. Фактически здесь и водители — шахтеры.

Это — поразительное зрелище: на наших глазах оседали одни сопки и рядом поднимались новые — перенесенная порода. И от этого люди, рукой поворачивающие рычаги экскаваторов, представлялись гигантами, переставляющими горы с места на место.

Недовольно пофыркивая, подкатил «МАЗ», ловко, почти на лету схватил уголь и двинулся в обратный путь.

— Лихо все-таки Гринь работает, — сказал кто-то из стоящих рядом с нами на краю карьера.

Зная по портретам лицо знаменитого здесь водителя Петра Гриня, сейчас мы не успевали разглядеть его: «МАЗ» почти не останавливался под погрузкой. Только после смены я близко увидела Гриня. Он сидел на крылечке с каким-то худощавым пареньком и задумчиво говорил:

— Ездил в Белоруссию — на родину ездил. И на курорт ездил. Прошлый год весь Волго-Дон проехал, всю красоту. У меня жена сама с Дона. А нет и нет — сюда тянет, и все. Вот прирос он, этот Сахалин, к душе и не отдерешь.

От заправочной его окликнули, и Гринь спустился к колонке.

Худощавый паренек весело вскинул на меня голову:

— Здравствуйте, не узнаете? А я вас сразу признал: со станции с вами ехали. Интересный парень, — кивнул на Гриня. — Хвалит этот Сахалин. Он тут после флота остался, на Тихом служил. А я уж бедовал-бедовал: куда меня с Курска занесло? Будто там шоферы не нужны! Правда, тут работа красивая.

Паренек снова покрутил головой и неожиданно рассыпался мелким, тоненьким смехом.

— Меня особенно тот, ночной с чемоданом, разбил. Думаю, тикают отсюда люди. А Гринь рассказал такую историю: тут за каждой машиной экипаж закреплен — три человека, сменщики. Круглосуточно работают. Так все за машину отвечают, потому что счет на секунды идет. И если один плохо за машиной смотрит, всем троим — хана. Тот мужик и стал через пень-колоду работать. Экипаж его взял да и своей волей исключил. И другим не нужен. Тут, Гринь говорит, закон между всеми такой.

— Ну, а вас приняли в экипаж?

— Неизвестно еще. Гринь говорит: смотри, чтоб все честно. Вот история! Думал, сам сбегу, а тут гляди, чтоб ребята не выгнали. Интересное кино!

Мне снова представились худосочные огни станции и человек с чемоданом, уходящий в темноту. Он шел, изгнанный по закону людей, способных переставлять горы, по великому закону товарищества и честности в труде. Наверное, это хорошо, что паренек встретил его тогда.

Так и нам встречи с людьми открывали прямые и непреклонные законы этого острова.

Дублеры точного времени

Оказавшись на оживленном перекрестке улицы, мы бросаем беглый взгляд на электрические часы. В какой-то миг черная стрелка вздрагивает и продвигается вперед на минуту. В тот же момент передвигаются стрелки на тысячах других часов, · расположенных в разных концах города. Часы идут, однако никто не видел, чтобы они когда-либо заводились. Дело в том, что так называемые вторичные электрические часы, которые мы видим на улице, лишь повторяют работу первичных часов, установленных на станции и посылающих отсюда импульсы точного времени по проводам.

На циферблатах часов поставлены большие буквы: «ЭЧЛ». Это марка Электрочасового ленинградского завода. Первыми освоили производство советских электрических часов москвичи. Приняв от них эстафету, Ленинград стал поставщиком электрических часов на всю страну.

...В цехе, удобно усевшись за длинными столами, сборщицы монтируют часовые механизмы. В проворных руках мелькают якори, сердечники, электромагниты. Механизм вторичных часов весьма прост, но зато при сборке первичных часов требуется исключительная точность и высокое мастерство.

На контрольно-испытательной станции проверяют и регулируют точность механизмов. Вот часы, внешне напоминающие обычные стенные, маятниковые. Однако устройство у них иное: в механизме нет пружины, есть маятник в качестве регулятора и электромагнит для подзаводки маятника. Стоит только качнуть его, и он сам по себе будет ходить без завода до полного износа.

Зал станции наполнен тиканьем. В течение пятнадцати суток по сигналам точного времени проверяются первичные электрочасы. Одни такие часы, установленные в комнате часовой станции, будут приводить в движение стрелки 60 вторичных часов, а если еще поставить промежуточные реле, то импульсы точного времени могут получать 120, 180, 240 и более вторичных часов.

— Завод изготовляет электрические часы разных систем и размеров,— рассказывает директор Ф. С. Саранчук,— первичные и вторичные, сигнальные, табельные, а также уникальные по своим размерам — для крупных стадионов, высотных зданий. Для Московского университета было сделано около двух тысяч часов.

На ленинградских предприятиях установлены сотни электрических часов с самым различным назначением.

На заводе «Пневматика» электрочасы помогают проверять термическую закалку деталей, на Толмачевском кирпичном заводе учитывают выпуск кирпича. На хлебозаводах с помощью электрочасов следят за технологическим режимом выпечки булок. В таксомоторных парках часы отмечают в путевых листах время выезда и возвращения такси. В школах и учреждениях часы сами дают звонки к началу и окончанию рабочего дня, обеденного перерыва, уроков, перемен. Первичные часы, установленные в главном здании Пулковской обсерватории, посылают сигналы точного времени в павильоны, откуда астрономы наблюдают за звездами.

В цехах швейной фабрики имени Володарского 160 электрочасов. Еще недавно несколько работниц были заняты тем, что следили за звонками, извещавшими о начале работы, окончании смены. Теперь об этом автоматически сигнализируют часы.

Диспетчерская фабрики. В щит вмонтированы рядами небольшие электрочасы — столько же, сколько конвейерных секций в цехах. Вот над одними часами вспыхнула крохотная красная лампочка. Это значит, что в третьем цехе остановилась конвейерная лента первой секции. Стрелка отсчитывает секунду за секундой и, обойдя первый круг, показывает на циферблате единицу: секция стоит минуту, а ленту обслуживают 12 швейниц, значит, потеряно 12 рабочих минут. Сменный диспетчер А. Г. Недвицкая звонит диспетчеру цеха и спрашивает:

— В чем дело?

— Закройный не подал подкладочный холст.

А часы неумолимо ведут подсчет. О простое стало известно директору, партбюро. Туговато приходится начальнику цеха.

— Вот сколько шума наделали электрические часы,— улыбаясь, говорит бригадир П. И. Попов, ведающий всей системой фабричной электрочасофикации.

...В отделе обслуживания межобластной конторы «Электрочасофикация» нам рассказали: тысячи часов обслуживаются всего лишь несколькими участковыми электромонтерами.

Петроградская сторона, дом на Мало-Посадской улице. Здесь живут студенты Института инженеров железнодорожного транспорта. В общежитии — 455 часов. Электромонтер М. А. Тетенин пришел сюда, чтобы проверить электрочасовую станцию. В небольшой комнатке на специальном распределительном щите смонтированы контрольные часы и двое первичных: одни действующие, другие запасные. Отсюда к вторичным часам, установленным в комнатах, тянется разветвленная сеть проводов.

Монтер осматривает выпрямитель, прислушивается к ходу часового механизма; заводить его не надо. Даже если и прекратится подача энергии, исчезнет источник питания, первичные часы все равно продолжают идти, но импульсы точного времени не посылают. Останавливаются только стрелки на вторичных часах. Но вот энергия снова потекла по проводам. Как же быть — ведь часы намного отстали? Подводить все 455?

Нет, совсем не надо. Это сделают без вмешательства человека сами первичные часы. Как только энергия поступит, они автоматически переведут стрелки всех вторичных часов до точного времени.

Монтер заканчивает работу, пломбирует дверь. Он придет сюда теперь не раньше чем через неделю; у него сорок таких станций, которые управляют 2 тысячами часов. В конторе «Электрочасофикация» подсчитали, что если бы в городе были не электрические, а механические часы, то для регулярной заводки и осмотра их потребовалось бы свыше трех тысяч механиков.

К. ЧЕРЕВКОВ

На заводской контрольно-испытательной станции проверяют и регулируют первичные электрочасы.

Фото Н. Ананьева.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ЧУЖИМ ИЗБАМ

Из второй книги повести «Открытие мира»

Василий СМИРНОВ

Рисунки А. Васина.

Интересно было поторчать в чужой избе. Тут все не так, как дома. Не только всего насмотришься, наслушаешься, но и нанюхаешься досыта, потому что каждая изба пахла по-своему.

У Марьи Бубенец не сходил со стола самовар. Когда бы Шурка ни забегал по поручениям матери к Марье, та чаще всего посиживала вольготно за липовым, выскобленным добела, широким и толстым, как она сама, столом и поливала с соседками морковный, а то и настоящий китайский чаек. Старый, в заплатах, самовар, насвистывая и воркуя, распевал во всеуслышание, что хозяйке живется одной куда как славно: она не бегает на Волгу топиться, у ней всегда водится в голубой с отбитым краем сахарнице разноцветный ландрин-зубодер. Пар поднимался от самовара до потолка, перебивая запах герани и «Ваньки мокрого». В избе было жарко, душно. Стекла в окошках запотели, свет от них шел мутный, не скоро все толком разглядишь, как сунешься в избу с улицы.

Марья Бубенец, запотелая и мутная, как окошко, поминала за столом Сашу Пупу. Не синяки, не кровоподтеки, с которыми прежде щеголяла неделями, поминала она, не пропитые Сашей на станции топоры, сапоги, обогнушки. Нет, Марья поминала другое: как муж, протрезвев, ходил за нее на Гремец полоскать белье, потому что ей самой стыдно было на люди показаться: так ее расписал, разукрасил муженек. И, чудное дело, Марья не бранила Сашу, как это раньше делала, не проклинала его, не радовалась, что он пропал на войне без вести.

Она вспоминала, как ночью, сбегав на Волгу топиться и не утопившись, пес его знает почему, лежала она, избитая, на полатях, а Саша, очухавшись, подходил несмело к ней впотьмах, тихонько гладил синяки и виновато спрашивал: «Болит? Очень?». И шепотом просил прощения, давал зарок не пить больше вина, не скандалить. «Ну, грешен, Маша, прости!.. Разве я не понимаю, бож-же мой!» — будто бы говорил он и руки ей целовал, как господа в городе барыням целуют.— насмотрелся в Питере, ирод, хошь верьте, хошь не верьте, ай, ей-богу, руки лизал, как теленок! «Да пропади оно, винище, пропадом! Чтоб я еще хоть каплю!..— клялся он.— Ты поддержи меня, я и встану, не упаду. Человек ведь, не колода!.. Маша, милая, поддержи!»

Марья Бубенец, сидя за столом, распаренная, как из бани, плакала и утиралась косынкой. Соседки, хрустя ландрином, успокаивали ее, обнадеживали, как шуркину мать, что Саша, может, еще и вернется. И Шурке, глядя на Марью, становилось понятно, что врет старый самовар, насвистывая-напевая о хорошем теперешнем житье хозяйки.

— Санька, чего тебе? — спрашивала Марья, заметив Шурку.

Выслушав, она лезла в голубую сахарницу.

— На гостинчик!.. Ох, ты, горе наше горькое, никаким сахаром-щеколадом не заешь! Плох был мой Саша, слабоват на водочку, попросту сказать, пьяница-распьяница, драчун, каких бог не видывал. Сколько я от него, пропойцы, хлебнула, какое счастье он в Питере по кабакам спустил!.. Ну, кажется, перекреститься только и остается, в поминальник за упокой записать, раз пропал на позиции. А вернись, ни на кого не променяю, ай, ей-богу!

Она задумчиво глядела мокрыми глазами на Шурку.

— Вот оно как... Он Саша, и ты Саша... Подрастешь, стервец, таким же будешь казнителем ненаглядным!.. Ну, что уставился? Верно говорю... Скажи матери: вместе на мельницу поедем, завтра... Д-да, вот так-то, бабоньки. Не человек плох — жизня никуда не годится, чтоб ей ни дна, ни покрышки!..

В избе сестрицы Аннушки было светло, чисто и тихо. Горела неугасимая лампадка перед образом Иоанна Крестителя в серебряном венце и цветах бессмертниках. Все здесь, в избе Аннушки, блестело и светилось: и крашенный охрой пол, и стены, оклеенные новыми, в позолоте и узорах обоями, и ручная зингеровская швейная машина в деревянном лаковом футляре — питерское богатство и гордость сестрицы. А пуще всего сияла стеклом и бронзой дубовая, в украшениях рама чуть не в полстены, как проруб на улицу. Из этого проруба гляделись, точно с того света, родственники Аннушки по матери, которых Шурка не знал, не видывал живыми: писаные красавцы-дяди в крахмальных рубашках, с галстуками бабочкой, с накрученными, нафиксатуаренными усами и прилизанными проборами волос, какие-то все на одно лицо, при часах и кольцах, чем-то смахивавшие на Мишу Императора; церемонились под стеклом на фотографиях тетки в шелковых и шерстяных, обвислых, будто чужих, кофтах с пузырями на рукавах, с закрытыми воротами, кружевными вставками на груди и такими немыслимо большими, будто бы из золота, брошками и медальонами, что они казались ненастоящими. Тут же высовывалась из голубого картона, искусно вырезанного «сердцем», сама сестрица Аннушка в подвенечном белом кисейном платье, с вуалью и восковыми цветами на голове, молоденькая, со смешинками в глазах и ямочками на щеках, вовсе непохожая на себя. Рядом с ней, положив ей на плечо руку, как бы опираясь, возвышался муж, ну, вылитый шуркин батька, с такими же колючими кошачьими усами, недоверчивым, нахмуренным взглядом, в двубортном суконном пиджаке и бархатном жилете. Этот пиджак и жилет всегда наводили Шурку на размышление: уже не те ли это драгоценные вещи, что лежат, пропахшие нафталином, в мамкином сундуке?

Сестрица Аннушка, как и Марья Бубенец, любила вспоминать про умершего мужа. Но хотя она называла его Ванечкой, рассказывала нараспев, с улыбкой и со слезами, как жила с ним душа в душу, как он ей, бывалоче, лишний раз ступить не давал, все делал сам, на руках ее носил, слова у Аннушки получались всегда какие-то одинаковые, гладкие, скользкие, они влетали в одно шуркино ухо

и вылетали в другое, не задерживаясь, и поэтому слушать Аннушку было скучно.

В избе пахло ладаном и боговым маслом. Хозяйка заставляла Шурку, когда он входил, снимать картуз и креститься у порога, точно в церкви на паперти. Шурка боялся ступать и дышать, он старался поскорей уйти от сестрицы Аннушки.

Зато как привычно, свободно чувствовал он себя в пустой, огромной и холодной, точно сарай, избе Кольки Сморчка!

Трудно поверить, что эти хоромы когда-то принадлежали Устину Павлычу Быкову и уступлены им под пьяную руку пастуху за одворину на бойком торговом месте у Гремца, где останавливались на водопой тройки и подводы. Ничегошеньки тут не осталось нынче от богатства лавочника, даже запаха! В сморчковой избе, пожалуй, единственной в селе, вообще ничем не пахло, разве только сырым холодом. Бревенчатые, черные от копоти, голые стены были издавна, еще первым хозяином, утыканы щедро гвоздями и крючками — для одежды будничной, для хомутов, полотенец, зеркала, часов. Сейчас на гвоздях и крючках висели одни тенета. Щели в бревнах зияли такие глубокие, что не видно было тараканов, которые там, в щелях, жили. С высокого, темнобархатного от сажи и пыли потолка, как с колосников в риге, свисали соломинки, омялье, куделя — этим добром был завален чердак для тепла. Кривоногий, крошившийся гнилушками стол, две лавки, две табуретки да тесовые нары в углу, застланные старой, в мохрах дерюжкой, — вот и все убранство.

Но богата, хороша была печь, словно вторая изба, с подтопком, с лежанкой и теплыми кирпичами без счету. На просторной печи, заваленной рухлядью, на лежанке проходила почти вся домашняя жизнь многочисленной сморчковой семьи: здесь спали, ели, посиживали и полеживали, играли и занимались делом: пряли, чинили лапти, ушивались, плели корзины. Колька ухитрялся и уроки готовить на печи, примостившись поближе к свету и повесив за нитку пузырек с чернилами на ржавую задвижку трубы.

В сморчковой избе все было не так, как у других. Тут не обедали, не ужинали вместе за столом, в известное время, как это все делали в деревне, а каждый ел, когда хотел, самолично лазая в печь и наливая хлёбова в глиняную плошку столько, сколько запрашивал живот, с плошкой забирался на лежанку, на печь и устраивался там, подкорчив или свесив ноги, как нравилось. Деревянная, ящичком, старинная резная солонка и обкусанные добела ложки всегда валялись на приступке. Хлеб, коли он имелся в доме, не прятали в суднавку, благо и суднавки в избе не водилось, не оделяли по кусочку, не смотрели, как у Тихоновых, в рот, чтобы кто лишнего не откусил. Каравай у Сморчихи хоть раз в месяц лежал на столе, пышный, золотистый, кулич-куличом, и все ломали от него по желанию и аппетиту.

И удивительно, в сморчковой избе всем вроде как всегда хватало еды досыта. Никто не жаловался, не обижался даже тогда, когда ночевали нищие и по своей голодухе и жадности очищали на даровщину чугун похлебки и не оставляли крошки хлеба на столе. Тогда домочадцы, которым не досталось харчей, шли в сени, к ушату, черпали ковшом и пили воду — только и всего. Ежели не успевала пастушиха испечь во-время хлеба и картошка вся выходила, а остаточек муки или немолотой ржи, овса валялся в мешке под лавкой, Сморчки не унывали, живо совались под лавку, доставали горстями муку, рожь, овес, что там хоронилось, и жевали вкусно, слюнки текли, глядя на едоков. Когда и мешок под лавкой пустел, Сморчки ложились пораньше спать, будто сытые. А утром, глядишь, Колька тащил в школу печеную картошину, как пасхальное яичко, потому что пастушиха с ног сбивалась, бегая по селу, а таки занимала, добывала что-нибудь к завтраку.

Не все, конечно, одобрял Шурка в колькиной избе. Ему определенно не нравились сажа и тенета по стенам, грязь на полу. Непонятно, почему пастушиха с дочерьми иногда загорались страстью к чистоте, мыли, скребли, прибирались, а потом неделями, наверное, не дотрагивались до мокрой тряпки, пол подметали наскоро, одну середину, не замечая грязи и сора по углам. У Сморчков постоянно не хватало дров протопить пожарче подтопок, чтобы в избе было мало-мальски тепло.

В глубине своей мужицкой, хозяйственной души Шурка полагал, что негоже лазать каждому, гремя заслоном, в печь и есть, когда захочется, — следовало и потерпеть, подождать других. Но простота, с какой относились к еде Сморчки, ему нравилась. Он сделал важное для себя заключение: здесь не придавали значения еде, не жадничали, не скупились, хотя и были бедные из бедных.

Но все же не бедность, не диковинные беспорядки, не холод и грязь поражали Шурку — потрясали его душу мир и лад в колькином доме.

Злая на вид, с исплаканным, темным, сморщенным, как старый гриб, лицом пастушиха никогда не жаловалась на жизнь, не проклинала ее, не пилила мужа, как другие бабы, не колотила своих ребят, разве что шлепала легонько для острастки за баловство. Она не умела улыбаться, но и плакать не умела, и почему ее лицо казалось исплаканным, невозможно было сообразить.

Сморчковы девки-погодки ходили в старechьких, заплатанных и заштопанных ситцевых юбках и кофтах даже по праздникам. На троих, без ссор, делили хромовые, с пуговками, сбереженные от материнской свадьбы башмаки: одна гуляла в башмаках, а две сидели дома, терпеливо дожидаясь своей очереди. Зато как они умели смеяться, плясать, петь! Как чудили на гулянках, не уступая в выдумках и шутках Косоурову бесу — Клавке! Они не обижались на мать и отца, что их не сряжают, как других девок, не припасают приданое, — и без приданого за ними ухаживали парни наперебой.

Сам Сморчок-старший, когда бывал дома, и подавно не ругался с женой, вообще говорил мало, больше молчал, как в поле, когда пас коров. Вся разница была, что в избе он, скинув заячью шапку-ушанку, холстяной пиджак и освободившись от грязных, сырых лаптей и онучей, босой, в долгополой, серой, постоянно мокрой от дождей и пота рубахе, забирался не под куст, а на печку греться, на самую ее теплую середину, и, заложив удобно волосатые руки под голову, задрав бороду, упирался светлыми глазами не в небо, а в черный потолок. Но и там, должно, видел что-то, кроме сажи и омялья: лохматые брови его шевелились, поднимаясь удивленно вверх.

Но с тех пор, как началась война с германцами, Евсей чаще жмурился, лежа на печи, закрывал крепко глаза, грустил и на кого-то сердился.

Отдохнув, отогревшись, Евсей приносил со двора вязанку ивовых прутьев, брался плести корзину. Он точно колдовал. Маленькие, в пуху пальцы его быстро-быстро перебирали гибкие, послушные прутья, и, глядишь, скоро гуменная корзина оказывалась готова — большущая, зеленая, с крепким обручем, — набивай корзину сеном сколько влезет. Иногда колькин отец очищал прутья от коры, обливал кипятком, парил в корыте, и тогда выходили у него розовые корзиночки-загляденье, одна лучше другой: круглые, продолговатые, с толстыми, прочными дужками — хоть под ягоды, под грибы, хоть под белые пироги. И никогда у Сморчка не бывало одинаковых корзин, каждая делалась на особицу, фасонистая: то плетеная двойным или тройным прутом, как лубяная, то мелкими шашками, а другая, глядишь, полосатая, с затейливой крышкой. Не корзины — картинки. Ставь за стекло в горку и любуйся.

Все село разбирало, расхватывало это художество за молоко, за яйца, картошку и просто так, за спасибо. Пастух обижался, когда бабы спрашивали о цене.

— Понравилась — бери на здоровье... Прутьев на Волге много, еще сплету, — говорил Евсей.

В колькиной избе не сидели без дела. Зимой пряли на прялках. Да как пряли! Куделя будто сама тянулась из кужелей паутинами. Веретена, жужжа, распевали, опускаясь с лежанки до полу, крутились, как волчки, грозя закатиться под лавку, и не успевали, подскакивали в воздухе: то девки, мелькая смуглыми локтями, неуловимыми движениями сматывали готовые нитки на ладони, а с ладоней — на пузатые веретена, и снова они, веретена, заводили свою песню, медленно опускаясь к полу. Потом в избе, поближе к подтопку, водружали дубовый стан — материно приданое — и ткали холсты: серые, грубые, из кудели и очесов — для себя; белые, тонкие, из чужой льняной пряжи — для соседей. Девки были ловкие и на косьбу, на мытье полов, жнитво, молотьбу. Устин Павлыч всегда приглашал их, когда созывал «помочи». Может, сморчкова бабья половина оттого и не успевала часто прибираться в своем сарае, что работала и прибиралась в чужих избах.

Сейчас у Кольки в доме было великое, невиданное раздолье. Пастух-отец ушел на по-

зицию рыть окопы за лавочника Быкова, который вытащил несчастливый жребий. Устин Павлыч не обманул, дал пять мешков муки и банку меда. Сморчиха разгуливала на улице и в избе купчихой, в новом полушубке и дареных сапогах (Евсей поберег для дома устинов подарок, на окопы отправился в лаптях). Она не жалела мужа, не боялась, что его убьют на войне, пока он роет окопы за лавочника. Напротив, Сморчиха радовалась, что у мужа и на зиму нашлась работа, а в доме завелось вволю хлеба, все долги отданы и еще кой-кому из соседок, не успевших съездить на мельницу, отпущено муки взаймы.

Подумать только: не она кланялась, выпрашивая горсточку муки. Нет, у нее, пастушихи, последней бабы на селе, брали взаймы пудами!

Приятно было Шурке глядеть, как Сморчиха, скрипя кожаными сапогами, распахнув овчинный полушубок, что лисью шубу, торжественно отпускала в сенях, точно в лавке, соседкам полные пудовики, без весу, светясь не улыбкой, а чем-то бóльшим, чем улыбка, зажигаясь темным румянцем на веселом лице.

Она зазывала баб в избу и угощала медом. С гнилого, шелушащегося стола долго не сходил чугунок с кипятком и четырехугольная, из-под ландрина, десятифунтовая, не меньше, банка с липовым тягучим медом, пока не опустела. Но и опорожнив ее, Сморчиха не позволяла дочерям убирать посудину со стола.

— Пусть стоит, хлеба не просит, — толковала она. — От нее, банки, ровно бы светлей в избе, право!

И верно, в избе у Кольки посветлело от жестяной банки, от пирогов с картошкой и капустой, которые были до того поджаристы и маслянисты, что тоже как бы светились.

В довершение всего Сморчиха, точно прозрев и увидев копоть и тенета, перевернула в один день все в избе вверх тормашками.

— Девки, да что же это такое? — кричала она. — Ослепли?! Как свиньи живем и не видим! Грязищи-то, батюшки мои! Гляди-ка, на лошади не вывезешь из избы!.. Фу, ты, пропасть, и когда успели натащить?.. А ну, Окся, растопляй печку, живо! — командовала Сморчиха, расставаясь с полушубком и сапогами, вооружаясь голиком. — Нюрка, марш на колодец за водой! Где дресва, ветошь?.. Куда ты провалилась, Лизутка, не докличешься, окаянная! Говорю, дресвы и ветоши давай побольше!

Началось в избе столпотворение, как на рождество и пасху.

Шурка с Колькой забрались от греха на печь, притаились в самом дальнем ее углу, за рухлядью, но и там их нашли, прогнали гулять до вечера.

А когда они вернулись, сморчковых хорбм нельзя было узнать, так все переменилось, блестело в сумерках, не хуже, чем у сестрицы Аннушки, боязно ступить, к стене присло-[redacted]

Не успели они открыть дверь, как Сморчиха грозно рявкнула:

— Ноги вытирайте!.. Не сметь на печку лазать, я и там прибралась, опять нахавозите! Вот лавка, видите?.. Да шапки-то снимите, бесстыдники, ведь в избе торчите, не в хлеву!.. И пирога у меня не трогать, Колька! Слышишь? Сейчас ужинать будем.

Шурке стало понятно, что с пятью мешками хлеба пришла в колькину избу иная жизнь. Надолго ли, вопрос другой: Шурка вдруг почему-то пожалел прежнюю колькину избу, пожалел все то, что недавно осуждал...

Ему посчастливилось, и не раз, побывать в раю, где обитал, как на небе сам бог, Григорий Евгеньевич, учитель. В квартире Григория Евгеньевича пахло душистым табаком. Пахло еще платьями Татьяны Петровны, сухими цветами, книгами и немножко плесенью, потому что в дождь с потолка капало, как в классе.

Этот сложный, необыкновенно приятный запах преследовал Шурку и на уроке, в классе. Стоило ему потянуть в себя носом воздух, зажмуриться, как он сызнова оказывался в раю, дышал запашистым табаком и видел диво-дивное, прелесть, какой и вообразить нельзя, — понравившуюся ему больше всего этажерку из белых, с выжженными узорами, палочек, набитую книгами, а рядом с ней — шкаф со стеклянными дверцами. Не школьный поцарапанный, с растрепанными, прочитанными книжками, а красного, бесценного дерева шкаф, с полками, уставленными плотно большущими неведомыми книжищами с золотом на толстых кожаных корешках. Такие книги потрогать — и то было несказанным счастьем. Сидя за партой с закрытыми глазами, Шурка в священном трепете дотрагивался до них одним пальчиком, осторожно, как это делал Никита Аладьин, приходя к учи-[redacted]

Никита бывал в школе довольно часто, снимал картуз еще на крыльце и, склонив голову на плечо, с не свойственной ему стеснительностью, боком пробирался в коридор и ждал там или на кухне, пока к нему выйдет учитель.

— Можно вас побеспокоить... книгоеду? — конфузливо спрашивал он, здороваясь, осторожно вынимая из-за пазухи завернутую в чистый платок прочитанную книжку.

Григорий Евгеньевич стеснялся, кажется, еще больше, чем Никита.

— Пожалуйста, пожалуйста! — поспешно отвечал он, покраснев, и торопливо уводил Аладьина за клеенчатую дверь, если жена была в классе. При Татьяне Петровне учитель не звал Никиту к себе: выносил книжки на кухню.

Никита принимал книгу бережно, листал легонько, одним кривым мизинцем, предварительно пошаркав его об картуз или рукав. Он никогда не слюнил палец, как это делали Шурка и все рéбята. Если листки в книге не поддавались мизинцу, как бы склеивались, он смешно вытягивал губы трубочкой, дул на листки, и они, шелестя, покорялись Аладьину, сами разворачивались.

— Ишь, сколько слов-то написано... ворох! — удивлялся всегда Никита, качая головой. — Хоть лопатой разгребай! Да складные какие, разные!.. А у нас, в деревне, только и есть азбука: здравствуй да прощай... Отродясь не поверишь, какое множество слов придумано человеком. И все на добрую нашу пользу, — улыбался он, косясь одним карим, навыкате, нетерпеливым глазом в книгу, а другим, благодарным, на учителя.

Казалось, изумленные, большие глаза его в эту минуту умели делать это невозможное, так они шибко загорались и бегали, лаская книжку и Григория Евгеньевича.

— Рóманы я больше всего уважаю... про любовь. За сердце хватает. И люди там, в рóманах, подходящие... горячие. Не все, конечно, но есть. Обжигают... Да вот беда, — читарь-то я аховый, — признавался смущенно Никита. — Не скоро разберу, что к чему, особливо ежели книга сурьезная, ученая... Понимаю, красна книга не письмом, а умом, верно. Да ну-ка, доберись до него! Слова-то цепляются, ровно репей, не пускают. Пока продираешься до самой сути, уразумеешь ее, башка того и гляди треснет, право!

Он поднимал тяжелую голову с плеча, ставил ее прямо.

— Ничего, — говорил он упрямо, хмурясь и посмеиваясь, — она у меня чугунная, как котел, башка-то. Выдержит.

Блестя темными глазами, Никита аккуратно завертывал книгу в белый, с лазоревыми крапинками платок, который жена его носила по праздникам. Прятал книгу за пазуху, бормотал:

— Все хорошо, да одно плохо: слов у бумаги много, а языка нету... Потолковать не с кем.

Он замолкал, переступая с ноги на ногу, словно ожидая чего-то. Потом, кашлянув в кулак, объяснял:

— В книгах пишут складно, а живется неладно.

— Д-да... — осторожно соглашался Григорий Евгеньевич и тоже начинал покашливать. — Все мы, Никита Петрович, лишь ученики... великой учительницы — жизни...

Теперь осторожно соглашался Никита, дергая себя за редкую, нитяную бороду:

— Это верно. Жизнь нашего брата и мучит и учит.

Он чего-то недоговаривал, будто опасаясь, не кидал, как в риге, загадки, понятные мужикам и непонятные Шурке, не грозил открыто пальцем, как на сходе. Он молчал, словно запираясь на засов. Но кто-то внутри Никиты ломился наружу, не хотел сидеть взаперти, — лицо его багровело, на тонкой шее проступала синяя жила, пальцы сжимались в кулаки, — он поспешно совал кулаки в полушубок.

— Что верно, то верно, — повторял глухо Никита. — Учителка знатная — жизнь, чего уж лучше... только есть одна заковыка. — Вырвав кулаки из карманов, как бы ломая засов, резко добавлял: — Ученье впрок не идет, как я погляжу.

— Почему же? Ну-те-с? — виновато спрашивал Григорий Евгеньевич, оглядываясь на дверь.

Он махал строго рукой, отсылая ребят подальше от кухни, чтобы не шумели. Шурка задерживался в коридоре, прятался в углу. Ему и отсюда все было слышно и видно.

— Да, что ж, один срам, — жаловался Никита, не спуская взгляда с учителя, будто ощупывая его, как незнакомого. — Жизнь нас по загорбку лупит, а мы только почесываемся... Эх, да что говорить! От безделья таракан на [redacted]

— Ого, какой вы прыткий! — тихонько смеялся Григорий Евгеньевич и начинал живо-живо потирать ладони. — Но послушайте... Во-первых, не следует торопиться. Время, дорогой Никита Петрович, если бы вы заглянули в историю, — ве-ли-чай-шая сила! Время и только время двигает жизнь вперед. Эволюция, прогресс отсюда... Встречались с такими понятиями? Отлично-с!.. Во-вторых, не все люди — тараканы. О, далеко не все! Не надо нам унижаться. В-третьих, ну-те-с...

— А я про что? — перебивал Аладьин, переставая стесняться и опасаться, радостно

вглядываясь в учителя. Он подступал ближе, подмигивал, толкал Григория Евгеньевича плечом. — Жизнь, говорю, надо клещами хватать, а не почесываться. Она тебя в бок, а ты ее за горло!

Никита показывал, как это надо делать: обеими руками, с силой вцеплялся кому-то невидимому в глотку.

— Стой, стерва! — шипел он. — Поворачивайся в другую сторону, в которую мне желательно!

От злобных слов Никиты, от его вытянутых рук с кривыми, как клещи, пальцами с черными ногтями Шурку подирало между лопатками. Григорий Евгеньевич, побледнев, не отвечал, но его белые худые пальцы тоже начинали вздрагивать и шевелиться.

Но тут, как нарочно, в кухню заглядывала сторожиха, смотрела на часы и бралась за колокольчик. Аладьин с сожалением совал свои клещи в карман, мял картуз, кланялся.

— Извините... покорно благодарим... прощайте.

— Пожалуйста, пожалуйста... всего наилучшего, — виновато говорил Григорий Евгеньевич и уходил в класс.

Он стоял там, у окна, задумавшись, заложив руки за спину, глядел, как Аладьин шел мимо палисада, склонив голову к плечу, как бы прислушиваясь к чему-то.

Учитель хватался за форточку, с треском открывал ее, кричал:

— Заходите! Обязательно!

Весь день после этого Григорий Евгеньевич бывал грустный и недовольный. Он точно сердился, что ему помешали всласть потолковать с Никитой.

А Шурку донимали загадки: что это за ро́маны, которые пуще всего уважает Никита? И почему он, книгоед, разговаривая с учителем о жизни, так здорово изображая, как надо хватать ее за горло и поворачивать в свою сторону, никогда не вспоминает о Праведной книге, которую разыскивает пастух-Сморчок? Ведь она бы Аладьину пригодилась, научила, как ловчее справляться, поворачивать жизнь. Почем знать, может быть, Праведная книга лежит у Григория Евгеньевича на этажерке или спрятана в шкафу со стеклянными дверцами? Может, учитель оттого и всезнающий, что наизусть выучил ее. Или уж и вправду нет такой книги на свете, пастух ее выдумал, как выдумал когда-то попрыгун-траву?

Помогая однажды Григорию Евгеньевичу разбирать в квартире тетради, Шурка, не вытерпев, спросил, выразительно поглядывая на шкаф и этажерку, нет ли там Праведной [redacted]

— Ка-кой? — удивился учитель.

Смутясь, Шурка сбивчиво, шепотом рассказал, какая это замечательная книжища, если верить пастуху Сморчку. В ней прописано, что надо делать, чтобы всем жилось хорошо. Жалко, потерялась эта книга, спрятали ее от людей, не дают почитать, оттого и живется всем плохо.

Григорий Евгеньевич уронил со стола тетрадки.

Шурка бросился поднимать тетрадки и вдруг очутился на руках у Григория Евгеньевича. Учитель поднял его до потолка, прижал к себе, закружил по комнате, смеясь и странно булькая горлом, наталкиваясь на стулья. Шурке было стыдно и неловко, тетради мешали ему, он старался сползти на пол.

— Мужичок ты мой с ноготок! — бормотал Григорий Евгеньевич, бодая, щекоча ему лицо копной волос, мокрой бритой щекой, обдавая душистым табаком, не позволяя стать на ноги. — Есть эта книга, есть!.. Разумеется, не у меня. Ха-ха-ха!.. Я — спрятал? Вот так отблагодарил своего учителя! Ну-те-с, понимаю, ты не это хотел сказать. Праведная? Сморчок ищет?.. Ах, сукин он сын, твой Сморчок, до чего додумался! Молодец!

Он спустил Шурку с рук, наклонился и шепнул на ухо:

— Этой книги... я сам... не читал.

Выпрямился, румяный, взъерошенный, и, блестя глазами, как Никита Аладьин, похлопал Шурку по плечу.

— Но ты прочитаешь. Вырастешь, найдешь и прочитаешь! Скоро!

— Тетрадки... измялись, — только и мог сказать Шурка.

Писатели и книги

Алмазы пушкинской прозы

В «Евгении Онегине» Пушкина есть стихи, которые заставляют задуматься над тем, каким должен быть литературовед-текстолог. Вспомним, как читала Татьяна книги Онегина:

Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражен,
В чем молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

Конечно, это только художественный образ, и Татьяна не была ни литературоведом, ни текстологом. Но в этом образе Пушкин указал важнейшие черты, обязательные для текстолога. Это прежде всего творческая мысль. Это и «трепетанье», связанное с творчеством. Это—проникновение в душу автора, в его замыслы, иногда потаенные. Без глубокого знания всего литературного наследства, без трепетной любви к писателю невозможно раскрыть эти замыслы.

Это относится к литературному наследству самого Пушкина. За сто с лишним лет сотни исследователей творчества поэта старались расшифровать его черновики, раскрыть смысл кратких наметок, сохранившихся на полях прочитанных Пушкиным книг. Казалось, что исследователями исчерпано все его наследство.

Все реже становились открытия новых текстов. Пушкиноведы изучили не только то, что дошло до нас, но и то, что, казалось, погибло. Однако наступали новые времена, открывались новые архивы, прежде недоступные, и на свет появлялись новые произведения пушкинского пера: расшифрована была десятая, «декабристская» глава «Евгения Онегина», по-новому осветившая весь роман. После Великой Октябрьской революции были обнаружены новые произведения поэта, впервые прочитаны все его черновики.

Еще при жизни поэта было известно, что он работает над историей Петра I. Но рукописи, черновики исчезли. Считалось, что они давно утеряны. И вдруг недавно от Москвы, в Лопасне, в 1917 году наследники Пушкина обнаружили в клетке с канарейкой какие-то исписанные листы. Почерк автора не внушал сомнений. Розыски обнаружили в кладовой позабытый ящик, в нем 22 большие тетради... Это были черновики «Истории Петра I». Они сохранились частью в подлиннике, частью в копиях; нескольких тетрадей в ящике уже не было.

В мире пушкиноведов это было событие чрезвычайное. Дорога каждая строка поэта! Но вскоре исследователи, разочарованные, отошли. Первым осмотром было установлено, что нашлись будто бы «только конспекты» многотомного свода источников «Деяния Петра Великого», изданные И. Голиковым. С такой расхолаживающей оценкой эти тетради вошли в академическое издание сочинений Пушкина (том 10).

Не все, однако, отошли. Среди тех, кто остался и продолжал раскопки в найденном материале, был И. Фейнберг, давний и неутомимый пушкиновед. Да, в основном перед ним была «порода», добытая Пушкиным из разных, как он установил, а не только из голиковских источников. Но и в «породе» можно найти драгоценные камни. В течение ряда лет Фейнберг изучал эти черновые записи слово за словом, фразу за фразой. Он анализировал их, сверял, устанавливал происхождение — и засверкали один за другим алмазы чудесной пушкинской прозы. Они были вкраплены в «породу». В этих отрывках и замечаниях ярко выразил себя поэт-мыслитель, обратившийся к прошлому родной страны, чтобы глубже понять свой народ и его исторические судьбы.

Мы знаем, какие ценные мысли Маркса нашли исследователи при публикации его хронологических записей. Замечания В. И. Ленина при конспектировании экономических и исторических книг в «Тетрадях по империализму», замечания, «вопросительные крючки», восклицания на полях книг, законспектированных в «Философских тетрадях», чрезвычайно обогатили науку марксизма-ленинизма. Для великих мыслителей конспект — это творческая работа.

Таким же творчеством была черновая работа Пушкина. С волнением мы следим за проникновением Фейнберга вглубь исторической работы Пушкина. Нам открывается исторический метод Пушкина. Мы видим его самого. Перед его настойчивостью открылись самые запретные архивы, но по приказу Николая I за Пушкиным зорко следят. Пушкин под наблюдением даже тогда, когда он один в тиши архивного кабинета сидит над старыми документами. Если бы царедворцы могли проникнуть в замыслы поэта!

Фейнберг раскрывает эти замыслы. «История Петра I»— лишь начало обширной работы. Пушкин задумал написать историю России вплоть до своего времени, то есть до царствования Николая I. Это была бы изобличающая самодержцев история. Задумал ее человек, близкий декабристам.

Рожденная страстью изыскателя, книга Фейнберга увлекает читателя, как увлекают всякие путешествия в неисследованные земли. В работе Фейнберга есть тот же элемент исследовательской страсти, как и в книге С. П. Толстова об археологических раскопках в Хорезме, как в книге академика И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями».

Но работа Фейнберга—это не просто увлекательная история находок, разгадывания литературоведческих загадок, проникновения в «белые места» пушкиноведения. Перед нами неожиданно раскрываются новые черты в творческом облике Пушкина.

Интересна и работа Фейнберга над «Записками» Пушкина. Известно, что Пушкин вел дневник, которым очень дорожил. Известно, что он писал автобиографию. Пушкин сжег ее при известии о восстании декабристов и начавшихся репрессиях. Он пытался возобновить свои записки в последующие годы.

Пушкиноведы считали установленным, что после 14 декабря 1825 года «Записки» погибли в огне почти целиком. Фейнберг отнесся критически к сообщению об этом самого Пушкина. Действительно ли все сжег поэт? Нет, оказывается, не все. Кое-что он сохранил и напечатал в отрывках. Они как бы случайны. Но если путем тщательного анализа расставить их, как расставляются кубики в детской игре, то начинают проступать черты общей картины, обнаруживается связь между ними, выясняется в новом свете замысел автора. И за этой работой исследователя, тщательной и кропотливой, с увлечением следит читатель.

Предоставим специалистам-пушкиноведам подробную критическую оценку книги Фейнберга. Отметим, что автор обладает не только даром точности исследования и истолкования, но и необходимым даром воображения. Без него нельзя оживить работу. Без него легко стать пушкинистом-крохобором, педантом, для которого комментарий к слову поэта становится важнее самого слова.

Читатель благодарен исследователю за те сверкающие алмазы пушкинской исторической прозы, которые он любовно разыскал и ввел в литературу.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ

И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. «Советский писатель». Москва. 1955. 340 стр.

Коротко о книгах

Газету принято [redacted] своеобразной летописью. В этом убеждаешься, знакомясь с недавно выпущенной Госполитиздатом книгой К. Зародова «Ленинская газета «Пролетарий» (1905 г.)».

На своих страницах центральный орган большевиков — «Пролетарий» — запечатлел волнующие события бурнсго 1905 года.

Монография К. Зародова выгодно отличается от других ранее вышедших книг о большевистской печати 1905 года тем, что в ней рассмотрена не только публицистическая деятельность В. И. Ленина, но также и вклад других членов редколлегии, талантливых литераторов большевиков В. В. Воровского, А. В. Луначарского, М. С. Ольминского.

НАШ ЛЁН

З. ХИРЕН

Фото А. Гостева.

Теперь, когда все бури и все ветры остались позади, а в руках у Ольги Кузнецовой первый снопик льна нового урожая, можно сказать начистоту: весна нынешнего года на реке Великой и на реке Утрое никуда не годилась, никого не устраивала и, кроме тревог и волнений, ничего не принесла. Подумайте сами, 22 мая — мороз, 24 — снег и град, а ветер до самой середины июня налетал, да такими вихрями, что хоть простыни в поле бери с собой. Зачем, спросите, простыни? Льняное семечко имеет очень легкий вес. В тысяче семян едва наберется пять граммов. Значит, ничего удивительного нет в том, что ветер может семечко унести.

На этот раз обошлись без простыней, ветер в конце концов утих, и сев провели, правда, не всюду одновременно, каждый шаг пришлось соизмерять с погодой.

Что бы там ни говорили о капризности льна, а он щедро расплачивается за заботы о нем. Подберут для него хорошую почву — даст тонкое, эластичное волокно. Будет больше света — раньше зацветет.

Да, лен щедр, этого никто отрицать не может. Лен — это одежда, белье, мешки, брезент, парусина. Без льняной нитки не свяжешь рыболовных сетей и не изготовишь пожарного рукава. Лен используется в автомобильной, резиновой и трикотажной промышленности. Льняные семена идут на изготовление ценнейших сортов технических масел.

Прошло немного более года после того, как Совет Министров СССР и ЦК КПСС приняли ряд мер по подъему льноводства и усилению материальной заинтересованности колхозов и колхозников в увеличении производства льна. И вот теперь на Псковщине часто говорят: кто посеет лен, тот пожнет золото. За этими словами встают планы колхозов, один смелее другого. Деньги, вырученные за лен, идут на строительство новых ферм, электростанций, на покупку машин,— словом, лен ведет здесь за собой все остальные отрасли хозяйства, увеличились доходы колхозников. Восстанавливается вековая слава псковских льноводов

— Говорите, весна была никудышная,— смеется Ольга Кузнецова,— для кого никудышная, а для меня даже очень хорошая.

Кто знает, не будь весна такой бурной, стала бы Ольга звеньевой или нет. Был звеньевым у них парень хотя и молодой, но медлительный, будто десять жизней прожил. Он равнодушно относился ко льну, без конца жаловался на трудоемкость этой культуры, нерентабельность. Колхозники заменили старого звеньевого Ольгой. Молодая женщина обрадовалась тому, что ей оказали доверие. С первых же дней все убедились, что правильно сделали, назначив Олю звеньевой. По ночам она вместе со звеном сортировала семена, всю зиму собирала куриный помет, золу, но впервые характер Кузнецовой все почувствовали, когда на поле вышли тракторы. Сразу после обильных дождей хотели приступить к севу, Кузнецова не разрешила. Сперва трактористы старались все обратить в шутку, но вскоре убедились, что с этой звеньевой каши не сваришь, если не выполнишь всех ее требований.

На уборку вышел льнокомбайн.

И вот стоит Ольга Кузнецова в поле с первым снопиком льна нового урожая. Для нее это не только первый сноп, но и первый шаг на поприще колхозного вожака.

Неподалеку работает льнокомбайн. Машина действительно умная: одновременно производит теребление, прочес головок и вязку льняной соломки в снопы. Один за другим вылетают готовые снопики, аккуратно перевязанные шпагатом, прочные, упругие. Случается, вылетает и несвязанная соломка: шпагат порвался.

За льнокомбайном следит группа мужчин, судя по всему, горожан. Они окружили высокую полную светловолосую женщину — это Александра Ивановна Хитрова, председательница колхоза имени I Мая. Ленинградские мастера и инженеры проходят у Хитровой стажировку. Через две недели всем им предстоит стать руководителями колхозов.

Стажеры! Они учатся, но там, где дело касается техники, в них просыпается душа машиностроителя, железнодорожника, электрика. Они не могут спокойно наблюдать, как на землю падает несвязанная соломка. Василий Провович Коленченко — мастер ленинградского паровозоремонтного завода. Он уверен, что дефект можно легко устранить: необходимо предварительно смазать мазутом шпагат, тогда он станет эластичней, крепче и не будет рваться. Другой стажер, мастер холодной обработки металла Геннадий Александрович Орлов, упрекает сельских механизаторов в том, что многое они могли бы исправить до выхода в поле.

— Как же иначе? — объясняет он Хитровой.— Я ведь не пущу станок, пока не подготовлю инструмент, материалы.

Александра Ивановна слушает стажеров внимательно. Свежий глаз. Года полтора назад Александра Ивановна сама была стажером. Теперь к ней приехали учиться другие. Ей удалось многое изменить, многого добиться.

Все приобретения колхоза: две грузовые машины, одна легковая, новая пилорама, зерносушилка, новые свинарники, зерносклад, крытые тока — все куплено и построено на деньги, вырученные за лен. А в этом году колхоз рассчитывает получить больший доход. Несмотря на то, что весна была трудная, все бригадиры стремились расширить посевную площадь под лен.

...В мае на реке Утрое можно было наблюдать удивительные картины. Лед прошел, а вода все еще оставалась высокой. Бывало, поставят козлы, на них положат доски — и вот мостик, соединяющий два берега, две бригады, готов. В нынешнем году связь осуществлялась большей частью голосом.

— Как со льном? — кричала Александра Ивановна бригадиру.

С другого берега бригадир отвечал:

— Дайте землю!

Не всякому понятно было, что скрывалось за словами «дайте землю». В бригаде 200 гектаров посевной площади. Недавно и с ними не справлялись, а тут новая земля понадобилась. В прошлом году эта бригада сняла самый высокий урожай льна. Теперь лен занимал у всех почти одинаковую площадь, ну и ясно, застрельщики этого дела хотели вновь быть впереди — получить побольше земли под лен.

Обо всем этом Александра Ивановна рассказывает стажерам. Они сожалеют, что придут в колхозы, когда лен уже будет убран.

— Ничего,— сам себя успокаивает Коленченко,— зато весной развернемся.

У него «тайные» планы — начать соревнование со знакомым украинским председателем колхоза. Один из опытнейших украинских агрономов несколько лет тому назад по доброй воле оставил стены Министерства сельского хозяйства Украины и отправился руководить колхозом. Случилось так, что село, где трудится этот человек, находится по соседству с родиной Коленченко, куда он часто приезжал из Ленинграда в отпуск. Если вспомнить все, что предшествовало решению Коленченко поехать на село, то этот, казалось бы, случайный факт сыграл немаловажную роль. Всякий раз, когда Коленченко приезжал домой, он слышал о новом председателе. Теперь Коленченко решил, что, как только станет работать в колхозе, свяжется с земляком. Там, на Украине, товарищ выращивает коноплю, он же на Псковщине займется льном.

Это все планы на будущее.

К нам подходит молодой бригадир Федор Михайлович Михайлов. Его биография немного напоминает биографии ленинградцев. До того, как направиться на село, он работал киномехаником в городе. Бригадиром стал недавно. Весна у него была не менее бурная, чем у Кузнецовой. Во время сева ложился в два часа ночи, а просыпался полчетвертого. В четыре утра уходил сеять. Почему так рано? Ночью ветры утихали. К зорьке семена заделывали. Урожай льна в бригаде небывалый.

Хитрова спрашивает у Михайлова, когда прислать ему комбайн. Он отрицательно качает головой.

— Не хочет, пусть мучается,— небрежно бросает бригадир трактористов.

— Бери комбайн,— уговаривает Хитрова.— Быстрее справишься.

— Спасибо, Александра Ивановна, но мы в бригаде решили без комбайна обойтись.

— В жизни не видела такого упрямца! — сердится Хитрова.— Давай подойдем к комбайну, приглядишься.

— Что ж, подойти можно,— говорит Михайлов, следуя за председательницей.

Долго переговариваются они с комбайнером. Михайлов поднимает каждый снопик с земли и внимательно его рассматривает. Наконец дает согласие убрать комбайном только пять гектаров.

Спрашиваю у Михайлова, чего он так заупрямился.

— Комбайн еще не совершенен, не всегда справляется, а люди вложили много трудов в лен и не хотят рисковать. Они готовы руками убирать, только бы ни одной льнинки не пропало!

В это же время другой бригадир упрашивает, чтобы к нему как можно скорее прислали комбайн: в такую жару нельзя ждать.

Весной все старались заполучить побольше земли под лен, теперь все стремятся получше убрать его. На лен возложили большие надежды, и эти надежды начинают быстро оправдываться.

Звеньевая Ольга Кузнецова с первым снопом льна.

В ГОДЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Новые материалы о скульпторе А. С. Голубкиной

А. С. Голубкина. 1906 год.

В воспоминаниях современников о выдающемся русском скульпторе Анне Семеновне Голубкиной говорится и о ее общественной деятельности. С ранней юности она принимала участие в организации собраний рабочих, устройстве лекций, распространении нелегальной литературы. Уже с 1892 года Анна Семеновна находилась под негласным наблюдением полиции.

Только совсем недавно стала известна история создания А. С. Голубкиной первого скульптурного изображения Карла Маркса. В 1905 году по заданию Московского комитета РСДРП Анна Семеновна вылепила бюст Карла Маркса. Голубкина передала портрет в распоряжение МК РСДРП. Затем с формы стали делать отливы и продавать по минимальной цене рабочим. Средства, собранные от продажи, поступали в партийную кассу.

Этот скульптурный портрет Маркса находится ныне в Государственном Русском музее в Ленинграде, а бронзовый отлив с него — в экспозиции музея Революции СССР.

Найденные недавно в Московском областном историческом архиве судебные дела позволяют установить, что в 1906—1907 годах Голубкина, в то время уже известный скульптор, распространяла нелегальные издания, в частности, прокламацию «К крестьянам», «возбуждающую к ниспровержению Государственного строя и к неповиновению закону...» Голубкина была заключена в камеру зарайской тюрьмы. Судили Голубкину при закрытых дверях, так как — по заявлению прокурора — боялись ее «неуважительных отзывов о монархической власти и особе Государя Императора». Она заявила на суде, что «судить ее могут, как хотят и за что хотят, а она ни на какие вопросы отвечать не желает и не будет».

Московская судебная палата 12 сентября 1907 года приговорила Голубкину к тюремному заключению на один год.

Заслуженный врач республики Г. А. Николаев, бывший связист-агитатор и начальник боевой дружины Московского областного комитета РСДРП, рассказывал, что в 1906—1907 годах он привозил Голубкиной в Зарайск из Москвы нелегальную литературу. На него произвел сильное впечатление спартанский образ жизни скульптора. Она учила его, тогда еще молодого революционера: «Ты смотри, будь осторожен. Не ротозейничай. Гляди в оба и наблюдай. Учись наблюдать».

Г. А. Николаев вспоминает: «Отправляясь с нелегальной литературой, я обычно подкладывал ее со всех сторон под одежду и поэтому, передавая литературу Голубкиной, вынужден был раздеваться. Она в таких случаях спокойно и просто дожидалась, пока я все выну, а потом быстро и ловко прятала принесенное в мастерской. Однажды Анна Семеновна спрятала литературу под подставку, на которой работала что-то из глины. Я начал было уже одеваться, как вдруг Голубкина, посмотрев в окно, быстро обернулась ко мне и требовательно сказала: «Раздевайтесь! Скорее раздевайтесь и рубашку снимите. Садитесь сюда. Вы мой натурщик. Я вас леплю». Только я успел взобраться на возвышение для натуры, как в дверь сильно постучали, и я увидел полицейских, входящих в мастерскую. Голубкина осталась совершенно спокойной и продолжала работать. Обыск ничего не дал, листовок не нашли. Но полиция медлила уходить, видимо, намереваясь спросить о чем-то Голубкину. Тогда Голубкина повернулась ко мне и сказала: «Ну, можете одеваться. Сеанс окончен. Приходите аккуратно в следующий раз».

Уходя, я невольно посмотрел на ее работу, и мне показалось, что в гипсе уже обозначились мои черты».

С. ЛУКЬЯНОВ

Пастер и русская наука

История тесной творческой связи между культурами двух великих народов, русского и французского, насчитывает не одно столетие. Имена таких замечательных деятелей науки, как Ламарк, Пастер, супруги Кюри и многие другие, хорошо известны и чтимы в России так же, как имена русских ученых Менделеева, Мечникова, Павлова во Франции. Среди выдающихся людей, сыгравших роль живого связующего звена между русской и французской наукой, в первую очередь должно быть названо бессмертное имя Луи Пастера, шестидесятилетие со дня смерти которого отмечается ныне.

Ю. МИЛЕНУШКИН, А. ЕФРЕМЕНКО

На стене дома в Париже, где помещалась лаборатория Пастера, в Нормальной школе, прикреплена доска, на которой перечислены крупнейшие достижения пастеровского гения: 1857 — брожение, 1860 — произвольное зарождение, 1865 — болезни вина и пива, 1868 — болезни шелковичных червей, 1881 — заразы и вакцины, 1885 — предохранение от бешенства. Уже одного из этих открытий было бы достаточно, чтобы обессмертить имя ученого. Что же сказать о человеке, которому принадлежит приоритет всех этих исследований? Недаром один из современников и сподвижников Пастера, крупнейший русский и советский микробиолог Н. Ф. Гамалея, писал по этому поводу: «В результате научной деятельности Пастера получается такая сумма драгоценнейших приобретений, какую едва ли можно найти в истории научной мысли. Будь Пастер удален от нас веками, мы думали бы, что его имя есть имя собирательное для целого ряда ученых, подобно тому как представляются в глазах некоторых Гомер и Шекспир. Если бы Пастер жил во времена отдаленной древности, он превратился бы в мифического героя, и память о нем была бы окутана ореолом легенд».

Литература, посвященная жизни и деятельности Пастера, настолько велика, что с трудом поддается учету. О творчестве великого ученого писали и пишут во многих странах, на десятках языков мира. Особенной популярностью всегда пользовалось и пользуется имя знаменитого французского ученого в России, в Советском Союзе. Ему посвящали свои труды К. А. Тимирязев, И. И. Мечников, Н. Ф. Гамалея и многие другие русские ученые. На русский язык переведены лучшие монографии о Пастере, изданные во Франции.

Такая популярность Пастера в России объясняется прежде всего тем, что именно здесь получили особенное развитие многочисленные отрасли микробиологии — науки, в создании которой он сыграл совершенно исключительную роль. Трудами прежде всего русских ученых заложены основы современной вирусологии, учения об иммунитете, то есть невосприимчивости к заразным болезням, создана наука о роли микроорганизмов в жизни почвы — почвенная микробиология.

Еще при жизни Пастер получил множество доказательств признания его заслуг русскими научными учреждениями. Он был избран членом-корреспондентом Российской академии наук, почетным членом многих научных учреждений и большинства врачебных обществ. В 1886 году заботами русских ученых И. И. Мечникова и Н. Ф. Гамалея и при непосредственной помощи Пастера в Одессе была создана Пастеровская бактериологическая станция. Это научно-практическое учреждение первым после Парижского института начало проводить систематические работы по изучению бешенства. Оно в течение многих лет было центром микробиологических знаний и явилось школой, откуда вышли многие выдающиеся русские ученые. История всей одесской школы микробиологов неотделима от славной истории Института Пастера.

Русские ученые, особенно начиная с 1886 года, постоянно ездили в Париж к Пастеру, и тесное научное общение между микробиологами России и Франции сыграло огромную роль в прогрессе медицины, биологии и сельскохозяйственной науки в обеих этих странах и во всем мире. В течение многих лет продолжалась дружба Пастера и его выдающихся сподвижников Эмиля Ру, Дюкло, Кальметта, Бордэ с русскими учеными И. И. Мечниковым, Н. Ф. Гамалея, Х. И. Гельманом, Л. А. Тарасевичем, Д. К. Заболотным. Часто русские и французские ученые проводили совместные работы в лабораториях Франции и России.

Широко известна роль, которую играл в научной жизни России и Франции великий русский биолог И. И. Мечников. В течение многих лет он работал в парижском Пастеровском институте, и его лаборатория служила центром притяжения для огромного числа ученых многих стран.

Имя Пастера присвоено ряду научных и научно-практических учреждений в Советском Союзе, например, Институту эпидемиологии, микробиологии и гигиены в Ленинграде и лабораториям, занимающимся прививками против бешенства. Его имя носят улицы в нескольких городах Советского Союза.

Исключительная популярность в России гениального сына французского народа объясняется не только его необыкновенными заслугами перед человечеством. Образ Луи Пастера — это образ истинного ученого, посвятившего всю свою жизнь раскрытию тайн природы, овладение которыми улучшает жизнь людей, избавляет их от страданий.

Смелый новатор, Пастер в то же время был в высокой степени наделен критическим духом, охраняющим его от заблуждений.

Характеризуя Пастера как человека, К. А. Тимирязев писал: «Здесь впереди всех достоинств выступал тот благородный энтузиазм, то бескорыстное, самоотверженное отношение, которое превращало его научную деятельность из простого занятия в служение идее и человечеству».

Пастер в последние годы жизни.

Одной из характерных черт Пастера является его отвращение к войне, его глубокая вера во всемогущество мирного труда. Он заканчивал свою речь при открытии Пастеровского института (14 ноября 1888 года) такими словами: «В мире борются два противоположных закона: один закон крови и смерти, который каждый день придумывает все новые способы войны, который заставляет людей быть постоянно готовыми итти на поля сражения, и второй закон — закон мира, труда и благоденствия, который ставит себе целью избавить человечество от преследующих его несчастий. Этот второй закон, которому подчиняемся все мы, стремится даже во время жестоких войн спасти многочисленные жертвы этих войн».

В непрерывном поступательном движении науки великий ученый видел могучую силу, способствующую сближению народов и препятствующую возникновению вооруженных столкновений.

Глубокое идейное сходство между лучшими представителями русской и французской науки находило свое выражение в тесной дружбе между микробиологами обеих стран. Сам Пастер при всяком удобном случае подчеркивал свои симпатии к русским коллегам. Так, в письме к Х. И. Гельману, по инициативе которого в 1890 году был организован Институт экспериментальной медицины в Петербурге, Пастер писал в январе 1887 года: «Я полагаю, что уже говорил Вам о своей симпатии к русским и России...» В письме министру внутренних дел русского правительства Пастер в 1886 году писал, что когда будет организован его институт в Париже, то он «почел бы себя счастливым принять в этот институт и врачей Вашего обширного отечества, которые всегда вызывают у меня сильное сочувствие». Пастер хорошо понимал, как важно и для Франции и для России быть в дружественных отношениях. В августе 1888 года он говорил в одном из писем: «...для России интересно, чтобы Франция была сильной и чтобы ее уважали».

В октябре 1893 года по случаю заключения Франко-Русского союза группа русских морских врачей посетила Пастера. Перед отъездом он пригласил их к себе на квартиру, где предложил в прочувствованных словах тост за Россию и русских врачей.

Деятельность передовых русских ученых и врачей имела очень большое значение для торжества пастеровского метода предохранения от бешенства. Особенно много сделал в этом отношении известный русский микробиолог Н. Ф. Гамалея, который в течение нескольких лет был близким сотрудником Пастера. Работы Гамалея и других сотрудников Одесской пастеровской станции дали ценнейшие доказательства эффективности пастеровского метода. Сам Гамалея активно помогал Пастеру отражать нападки его противников. Вместе с тем исследования Н. Ф. Гамалея во многом способствовали усовершенствованию самого метода.

Когда был решен вопрос об организации в России станции для проведения предохранительных прививок от бешенства, то Пастер сделал все возможное для того, чтобы содействовать ее успешной деятельности. Для помощи в организации прививочной станции в Петербурге в октябре 1886 года Пастер прислал двух своих молодых сотрудников — Пердри и Луара. Впоследствии Петербургская пастеровская станция влилась в созданный в 1890 году Институт экспериментальной медицины. Это крупнейшее научное учреждение имело в числе своих сотрудников таких первоклассных ученых, как биохимик М. Ненцкий, микробиолог С. Н. Виноградский, физиолог И. П. Павлов. В стенах этого института Павлов создал свое гениальное учение о высшей нервной деятельности. Пастер был избран первым почетным членом этого института, и там был установлен его бюст.

Пастер был преданным сыном своей страны и пламенным патриотом, но он принадлежит всему человечеству, во имя счастья которого он самоотверженно трудился всю жизнь. На примере его дружбы с русскими исследователями ярко видно, какое благодатнейшее влияние оказывает на прогресс всей культуры содружество наук народов разных стран, стремящихся к мирному труду и процветанию.

А. Е. Архипов (1862—1930). ОБРАТНЫЙ. 1896 год. Государственная Третьяковская галерея.

А. Е. АРХИПОВ

К 25-летию со дня смерти

Выросший в бедной крестьянской семье, А. Е. Архипов все свое творчество посвятил народу. Ему одному из первых было присвоено высокое звание Народного художника Республики. Скромный, трудолюбивый человек, с большой и чистой душой, влюбленный в искусство, он был не только блестящим живописцем, но и замечательным педагогом.

Архипов был тесно связан с Московским училищем живописи, ваяния и зодчества, где прочно укрепились заветы передвижников. Там он учился, там он и преподавал, воспитывая своих учеников в передовых традициях русской реалистической школы.

В 1896 году Архипов пишет одну из лучших своих картин — «Обратный», произведение, полное тонкого лирического очарования. Мотив для картины выбран самый простой: крестьянский паренек-ямщик возвращается домой. Силуэт мальчика четко вырисовывается на светлом фоне неба. Воздух ясен и прозрачен. Кругом тишина, приволье, лошади привычно бегут по знакомой дороге, и паренек, отпустив вожжи, любуется красотой предвечернего неба. В этом полотне живописец нашел необычайные созвучия перламутровых красок.

Произведение «Обратный» типично для творчества Архипова 90-х годов. Художник, влюбленный в солнце, в необозримые просторы родных полей, воспевает русскую природу, русский народ.

В 1902 году Архипов совершил поездку на Белое море. Своеобразная красота севера привлекла художника. Он пишет ряд пейзажей, в которых всегда чувствуется присутствие человека.

Широк живописный диапазон замечательного мастера, новые краски звучат в его северных пейзажах — в серой гамме тонов он находит разнообразные тончайшие оттенки.

В десятые и особенно в двадцатые годы Архипов увлекается сочной, нарядной, декоративной живописью.

В это время художник создает галерею портретов русских крестьянок в ярких, цветистых сарафанах и платках. Картины эти великолепны по цвету, пламенеющему, солнечному, слепящему глаза. За всем этим праздником красок художник не забывает о человеке, его характере, и поэтому архиповские портреты крестьян и крестьянок — это всегда живые, выразительные русские лица, румяные, с сияющими глазами, пышущие здоровьем.

Народный художник РСФСР **В. БАКШЕЕВ.**

«Огонек», 1955.

А. Е. Архипов. В ПРАЗДНИЧНОМ НАРЯДЕ. 1917 год. Частное собрание

А. Е. Архипов. В ГОСТЯХ. 1915 год.

Государственный Русский музей.

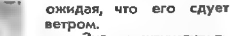

А. Е. Архипов. СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ. 1903 год.

Государственная Третьяковская галерея.

ИЗ КРУПНЫХ БЛОКОВ

Николай **ВИГИЛЯНСКИЙ**

Перед вами двор, залитый асфальтом, чистый, как танцевальная площадка. Во дворе стоят два автобуса: в одном контора прораба, в другом раздевалка для рабочих. Нигде не видно плотников, каменщиков, штукатуров. Два башенных крана в тишине, когда явственно слышен птичий свист, уже на высоте четвертого этажа складывают дом из огромных бетонных блоков. Блоки красивые, светлосерые, гладкие с обеих сторон, многие из них высотою в два человеческих роста.

А где же люди? Вон три фигурки в чистых синих комбинезонах маячат на четвертом этаже, чуть придерживают поднятый краном блок, делают знаки крановщику. Взлетает красный флажок сигнальщика: «Стоп!» Стрела крана неподвижна, но стропы пока не снимают. Вокруг блока хлопочут трое монтажников. Что они там делают? Поднимемся к ним.

Широкая железобетонная лестница внутри здания уже установлена, она даже с металлическими перилами, однако выходит к открытому небу. Железобетонные перекрытия третьего этажа образуют ровную, ничем не захламленную площадку, по ней можно ездить на велосипеде. Монтажники Григорий Манаенков, Николай Столяров и Василий Клейменов у края здания осторожно разворачивают блок, висящий на стропах, ровняют его по шнуру, протянутому вдоль стены. Крановщик, сидя в своей стеклянной будке на уровне четвертого этажа, видит каждое движение монтажников.

— Толя, майна чуть-чуть! — не повышая голоса, просит бригадир Манаенков.

Крановщик притрагивается к баранке контроллера, и увесистая махина стенового блока мягко садится в приготовленный для нее слой раствора.

Четвертый этаж только начат, а три кажутся уже совсем законченными. К светлым стенам здания, поднявшегося ввысь, ничего не нужно добавлять: все, до мельчайших деталей, до последней завитушки орнамента — и рамы с застекленными окнами, и карнизы, и двери,— все изготовлено на заводах, привезено и собрано на месте за несколько дней.

Так строилась школа в Большом Песчаном переулке, так же складывалась из крупных блоков школа на Хорошевском шоссе. Множество людей с интересом наблюдает невиданную доныне картину. Приезжали сюда экскурсанты с Урала, из Белоруссии, из Польши, из Китайской Народной Республики.

Вот группа строителей из Сибири. Сутуловатый старик с обвисшими усами недоверчиво поглядывает из-под очков на только что установленный блок, словно ожидая, что его сдует ветром.

— Значит, штукатурить стены совсем не придется?

— Нет, не нужно,— отвечает инженер-экскурсовод. — Все блоки, как видите, офактурены с обеих сторон. Получается ровная поверхность и снаружи и внутри здания. Это дает возможность сразу приступить к малярным работам.

— Вы подсчитывали, сколько кирпичей нужно было бы положить вместо одного такого блока? — спрашивает молодой строитель из группы поляков.

— Около тысячи,— отвечают ему.— Среднему каменщику хватило бы на день работы. Да, пожалуй, и за день не управиться. Ведь здесь пилястры, нужна была бы сложная кладка.

Рабочий день монтажников загружен полностью; нет простоев, перекуров. Побеседовать с бригадиром Григорием Михайловичем Манаенковым удается только после окончания смены. Манаенков невысок, худощав и кажется гораздо моложе своих сорока пяти лет. Он свободно движется на высоте, не заглядывая вниз: «чувство края» в полной мере развито у него. Кельма, которой он разравнивает «постель» из раствора, словно прирастает к его руке. С первого взгляда видно: строитель!

— Григорий Михайлович, это первое здание, которое вы строите из крупных блоков? — спрашиваю я.

— Четвертое. Но раньше было иначе. Еще применялись металлические конструкции. Теперь их нет, только железобетон, шлакобетон. Прежде блоки были офактурены лишь с одной стороны, теперь — с обеих. А главное, не было той культуры. Случалось, работали, кто во что горазд. Нет одних блоков — ставим другие. Нет водопроводных труб — ладно, пошли дальше, потом раскопаем, пробьем отверстия, доделаем. Вот вам и беспорядок, и удорожание работ, и срыв сроков. Теперь так: пока не закончили для нас фундамента, подвала, постоянной ограды и постоянных дорог, пока сантехники не сделали полностью постоянных вводов: газа, электроосвещения, водопровода, канализации, телефона,— к монтажу этажей мы не приступаем.

Экскурсанты с изумлением смотрят на автобусы во дворе: почему контора и раздевалка в автобусах?

— Это, конечно, старые, отслужившие автобусы, — говорит Манаенков,— моторы с них сняты. Но внутри мягкие кресла, диваны, сплошные окна. Вот как теперь живут строители! У нас подсчитали: арендовать такие автобусы дешевле, чем строить временные сооружения, а вскоре их разбирать. Кончим эту стройку, возьмем автобусы на буксир и поедем дальше. Все с собой — типовой проект, чертежи, с ходу можем начать новую такую же стройку!.. Смотрите, оконные блоки привезли!

Вот поднят краном оконный блок, стекла блестят на солнце.

— Вам известно, какой был бой, когда решили заранее стеклить рамы? Многие прорабы и мастера возражали: «Невозможно, все стекла при монтаже побьют!» Посмотрите на окна во всех четырех этажах: найдете ли хоть одно разбитое стекло? А какое облегчение стекольщикам! Теперь они спокойно работают в мастерской, вдали от стройки, вместо того чтобы лазать по этажам. А вообще, я вам скажу, монтаж можно было бы вести гораздо быстрее, чем мы его ведем.

— Каким образом?

— А хотя бы за счет того, чтобы не снимать блоки с грузовиков автокраном и не складывать их во дворе, а сразу с автомашин подавать башенным краном на этаж. С оконными блоками мы так делаем: без перевалки, с ходу подаем их на этажи. И со стеновыми блоками можно так. Это раз! Во-вторых, надо добиться от заводов, чтобы давали блоки точные, строго по размеру. У нас главные задержки отчего? Почти каждый блок мы так и этак вертим — тот с перекосом, этот с «животом». Вот и бьемся и прилаживаем, особенно на внутренних стенках.

Крановщик чуть трогает штурвал, и высоченный кран послушно катится по рельсам к другому углу здания. Здесь не то что на паровых кранах, где изрядно нагреешься рядом с котлом, передвигая тугие рычаги, выжимая жесткие педали. На электрическом кране не требуется усилий. Чуткий, послушный рычаг ручного тормоза, три штурвальных колесика. И все видно из сплошь застекленной кабины — обзор на все четыре стороны света.

Преимущества, какие дает применение крупных бетонных блоков, неисчислимы. Мало того, что в десять раз ускоряется кладка стен,— меняется характер строительного труда, меняется облик строителей. Не нужны становятся каменщики, штукатуры, подносчики кирпича. Работа монтажников требует повышенного внимания, точности, исключительной добросовестности, но она совсем не грязная и не связана с тяжелыми физическими усилиями.

Руководители 6-го треста «Главмосстроя» имеют немалый опыт крупноблочного строительства. Они сделали верный вывод из этого опыта: новые строительные материалы обязательно требуют комплексной механизации строительства, четкого графика работ и высокой производственной дисциплины, как на заводах массово-поточного производства. Строительная площадка должна стать культурным сборочным цехом, где только монтируется продукция заводов-смежников.

При сборке школ в Большом Песчаном переулке и на Хорошевском шоссе были механизированы все производственные процессы. Даже на растворных узлах, где обычно трудятся пять — шесть, а то и восемь — десять рабочих с лопатами, тачками и носилками, были введены транспортеры, рельсовые пути, волокуши, и это позволило одному — двум человекам справляться со всеми работами растворного узла. Мотористка стоит на возвышении у растворомешалки, как на капитанском мостике, нажимает руками и ногами педали, рычаги, тем самым передвигая песок, цемент, открывая и перекрывая кран, дозирует воду, нажимом кнопки включает и выключает сито для просева песка.

Перед началом строек были разработаны календарный график и детализированный проект организации работ. На монтаж каждого этажа отводилось шесть дней при двухсменной работе. График выдерживался, обе пятиэтажные школы подведены под крыши за тридцать дней.

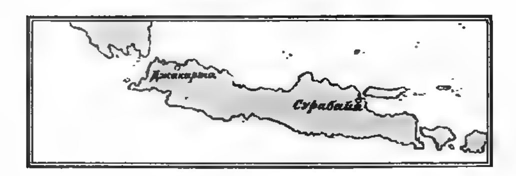
Это были опытно-показательные стройки, и опыт их показал, что монтаж зданий из крупных блоков может вестись еще более быстрыми темпами.

Здание школы на Хорошевском шоссе подведено под крышу.
Фото В. Круглякова.

ГОЛОСА ЯВЫ

Ральф ПАРКЕР

В бывшем дворце генерал-губернатора Голландской Ост-Индии, а ныне резиденции президента Республики Индонезии нам показали две картины. На одной художник Суджойоно запечатлел группу усталых, измождённых, но суровых в своей решимости крестьян, везущих продовольствие на фронт, где сражаются против оккупантов партизанские отряды. От картины веяло героикой тех памятных августовских дней 1945 года, когда народ Индонезии провозгласил независимость своей родины.

Рядом висела еще одна картина — яркий образец новой школы живописи, развивающейся на острове Бали. С полотна глядела на зрителя мирная деревня Индонезии наших дней.

— Это две страницы нашей, пока еще недолгой, новейшей истории,— заметил профессор Прийоно, лауреат международной Сталинской премии.— И, если говорить правду, вторая страница далеко еще не написана.

Нам довелось беседовать в Джакарте с некоторыми голландцами. Они цинично говорили, что, мол, Индонезия является «несамоуправляющейся страной». Знакомый тезис колонизаторов! Другие развивали теорию о... «перенаселенности» Индонезии — и это о стране, где земля рождает в изобилии все нужное человеку, где недра неистощимо богаты ценнейшими ископаемыми!

Против этого духа колониализма сплачивается сегодня народ Индонезии.

Энергия и жизнелюбие народных масс сразу обращают на себя внимание, когда вы выходите утром на улицы Джакарты. Улицы заполнены толпами народа, вдоль тротуаров мчатся сотни велосипедистов, школьники с веселыми личиками, словно омытыми утренней свежестью, спешат сесть за парту — школы по праву являются гордостью индонезийцев. Кокосовые орехи, фрукты, овощи, свежая рыба из тропического моря — всем этим полны базары и лавки. Бронзовые от загара уличные торговцы с бамбуковым коромыслом через плечо предлагают разнообразные товары. У каждого уличного продавца своя особая «реклама»— певучий рефрен песни, словечко из уличного обихода, ритмический стук бамбуковых палочек, гулкие удары гонга или звон тонких серебряных бубенчиков. Все это сливается в один общий энергичный, бодрящий шум повседневной жизни Джакарты. Таков же облик и других городов Индонезии.

У студентов Сурабайи

После четырнадцатичасовой поездки поездом вдоль острова Ява мы в Сурабайе. Это крупнейший промышленный город и самый оживленный порт Индонезии.

Большая часть ведущей сюда железной дороги пролегает через бесконечные каучуковые плантации, через ровные поля, на которых лишь изредка промелькнет купа кокосовых пальм с качающимися по ветру мохнатыми верхушками. Сейчас сезон дождей, но каучуковые плантации усеяны людьми; они напоминают большие муравейники.

Все создано здесь природой для благосостояния и счастья человека. Но столетия колониального гнета сделали эти края источником богатств для немногих и бедности для большинства. Мы едем мимо живописных гор, и то и дело из ущелий и расселин спускается вниз по склонам негустая растительность, остатки прежних девственных джунглей. Поколение за поколением крестьяне Явы завоевывали каждый клочок земли, чтобы затем поливать эту землю своим пóтом ради обогащения иноземных дельцов.

До недавнего времени Сурабайя была как бы символом колониальной системы: большие, современной постройки железобетонные здания, а вокруг бесконечные нищенские поселки, в которых живут индонезийцы.

В нынешней Сурабайе некоторые из современных зданий заняты под новый национальный университет. Пока здесь еще немного факультетов, ощущается недостаток в учебниках, в оборудовании для лабораторий. Но одно ясно: в университете кипит жизнь, студенты и преподаватели одинаково вкладывают в учебные занятия всю свою энергию, рожденную патриотизмом. Большинство студентов готовится в будущем стать врачами и инженерами: спрос на эти профессии очень велик.

В университете учится много демобилизованных студентов. В прошлом они дрались в партизанских молодежных отрядах против японских захватчиков, били и разоружали их. Потом молодые бойцы влились в Индонезийскую республиканскую армию, чтобы защищать страну от голландских и других интервентов.

Нас пригласили в студенческую квартиру. Это было бунгало с примыкающим к нему двором. Внутри — комнаты, где живут и занимаются студенты. Большая веранда служит местом отдыха и развлечений. Дом стоит в благодатной тени банановых пальм; это очень важно в городе, где жара — обычное дело. В одной из комнат помещается бюро Союза демобилизованных студентов.

Двадцатипятилетний студент Салех, родом с острова Мадура, рассказывает нам о том, как он был солдатом освободительной армии.

— Индонезийский народ еще недостаточно объединен!— горячо говорит Салех.— Я имею в виду не только воссоединение Западного Ириана с Индонезией. Я говорю о сплоченности самого нашего народа. Без единства трудно бороться за лучшие условия жизни.

— Что вы понимаете под единством народа?— спросили мы.

Ответ последовал немедленно:

— Под единством я понимаю следующее: избегать обострения разногласий и создавать общую основу для сотрудничества всех патриотических сил.

Другой студент, Абдурахман,— учитель математики. Он мусульманин. Слова его дышат горячей заботой о будущем родины.

— У нас,— говорит он,— есть немало людей, способных просвещать народ. На нас, учителях, лежит особенно большая ответственность. Я могу, например, удовольствоваться тем, что напишу учебник математики. Но мне хочется служить нашему народу не только этим. Вот почему я примкнул к движению сторонников мира!

Ибну Мустари не более двадцати пяти лет. Он тоже в свое время дрался против японских, голландских и других захватчиков на индонезийской земле.

— Какую цель вы ставите себе в жизни?— спрашиваю я.

Юноша отвечает четко, по-военному:

— Довести до конца наше освобождение!

В поселке «Счастливые дома»

Мы уже час шли по узким переулкам окраин Сурабайи, среди домишек, построенных из пальмовой древесины, легких и, казалось, очень хрупких. Тропическая ночь опустилась на землю как-то мгновенно. Обитатели поселка — метельщики улиц, рикши, носильщики, докеры — возвращались с работы. Двое молодых сурабайцев освещали нам дорогу ацетиленовым фонарем, повешенным на бамбуковую палку. Другие

несли в руках листья банана, отгоняя густые тучи москитов и надоедливых крохотных мошек.

Из полутьмы к нам приветственно протягивались десятки рук. В каждом взгляде мы читали: «Привет вам, приехавшим издалека, чтобы увидеть нашу жизнь! Какую добрую весть принесли вы нам?»

Секретаря организации жителей поселка зовут Бунгуреджу. Это бывший партизанский командир. Он вводит нас в крохотную комнатку и сразу начинает рассказывать.

В 1945 году японцы разоружили в предместье Сурабайи группу индонезийских борцов за свободу. Большей частью это были крестьяне; однако они и не помышляли в течение последующих четырех—пяти лет о возвращении в свои деревни. К Сурабайе их влекли заводы, крепкое содружество рабочих.

Так постепенно складывался поселок «Счастливых домов». Дух товарищеской взаимопомощи воцарился в нем прочно. Есть медицинские пункты, есть лавки, школы по ликвидации неграмотности, трудовые артели. С недавнего времени стали сообща строить жилища. Подобные товарищества создались и в других местах вокруг Сурабайи. Был даже созван съезд представителей поселков.

— Мы никому не отказываем в помощи,— сказал Бунгуреджу.

В комнате появилась старая женщина, она тихо вошла и протянула мне тонкую, сухую руку.

— Это Амихага, она работает на фабрике,— раздались голоса со всех сторон.

— Как вам живется, Амихага?

— Я всю жизнь была бедна,— усмехнулась старая женщина.— Я рада, когда есть какая-то еда, какая-то одежда. Вы лучше расспросите мою племянницу.

Все повернулись к молодой женщине, стоявшей рядом с ней.

— Голландцы больше не вернутся. Это значит, что я и все мы сможем лучше жить!— сказала молодая женщина с какой-то непередаваемой страстью.— Сердце говорит мне, что я найду свое счастье. Вот теперь я послала ребенка в школу... Я зову его Суриати (свет моего сердца)...

Внимательно слушала наш разговор хрупкая, небольшого роста женщина с милым улыбчивым лицом, с цветком, заложенным за ухо, в бледносиней шали, окутывавшей ее голову и плечи. Имя ее было Гудони.

— Теперь и я буду сознательной женщиной,— заявила Гудони.

— Что вы понимаете под этим?

— Два года назад я была неграмотной. Теперь я уже почти научилась читать. И вот сердце говорит мне, что я становлюсь сознательной женщиной.

Мы спросили еще у Гудони, как она представляет себе будущее своих детей.

— Я хочу, чтобы они были грамотные, ученые. Чтобы они жили в каменных домах, в каких жили голландцы. Я хочу, чтобы они встречались с людьми из других народов и дружили с ними.

— А вот я... знаете, чего хочу я?— вмешался вдруг в разговор старый докер.— Мне хотелось бы разгрузить в нашем порту русское судно. Мне хотелось бы это сделать, пока есть еще силы.

В горах Восточной Явы

Мы едем на машине на юг от Сурабайи. Вокруг высятся вулканические горы.

После запутанных улочек и беспорядочно разбросанных домиков предместий Сурабайи дорога словно решила освободиться от всего городского — и вот поля, поля, плантации, большие массивы мягкой, нежной зелени. Мелькнула на дороге группа деревенских бродячих танцоров, за ними тянется длинный хвост ребятишек. Проходят крестьяне с мешками риса на голове.

Мы проехали район Маланга, и горы надвинулись теснее. Перед нами пейзажи Явы во всем их великолепии. Деревья, широко раскинувшие свои ветви, дикие ущелья, рисовые поля, подымающиеся террасами по склонам,— свидетельство неистребимого трудолюбия и замечательного мастерства индонезийских земледельцев. И вдруг могучий тропический ливень обрушивается на нас.

По обочинам дороги бегут стайки детей, они спешат домой из школы, заботливо пряча учебники под листьями банана, которые они держат, как зонтики.

Мы остановились возле небольшого деревенского домика. На террасе старый человек сортировал кофейные зерна. Он пригласил нас войти. Здесь расположилась организация крестьянской самообороны. Нечто вроде веранды, закрытой стеной из пальмовых листьев, посреди — стол и несколько грубых табуреток.

Нас встретил Мухамед Таиб, человек лет тридцати, стройный и удивительно красивый, с маленьким, четко очерченным орлиным носом, высоким лбом и вьющимися усиками. Глаза его, казалось, горели неугасимым внутренним огнем.

Вначале беседа как-то не завязывалась, но скоро натянутость исчезла. Комната наполнилась людьми. Некоторые из женщин, исчезнувших при нашем входе, вернулись назад.

Таиб и его друг Текно рассказали нам, что около сорока тысяч крестьян в этой округе разделили землю, которая раньше находилась в руках голландского плантатора по имени Монте. Всего в округе двадцать семь деревень.

— Во время оккупации мы воевали против японцев вон в тех горах,— сказал Таиб.— И мы считали себя вправе вернуть себе земли, на которых всегда трудились.

В течение десяти лет крестьяне обрабатывали эти земли. Прошлой осенью явился представитель голландца Монте. Он заявил крестьянам, что им придется вернуть землю владельцу. Тогда крестьяне прочли ему закон, закрепляющий за ними право на землю,— это был чрезвычайный закон, принятый в свое время индонезийским правительством, по которому крестьяне должны пользоваться землей до окончательного решения вопроса.

Агент плантатора пренебрежительно отвернулся от предъявленной ему бумаги.

— То, что вы захватили, не принадлежит вам,— высокомерно сказал он крестьянам.

— А что вы ответили этому человеку?— поинтересовался я.

Таиб показал пальцем на черную доску, висевшую на стене.

— Вот наш ответ,— сказал он.

Я прочел на доске слова: «Да здравствует крестьянский союз! Да здравствует свобода!»

Ни один крестьянин в этой деревне и во всей округе не поддался жестокому давлению со стороны агентов плантаторов.

— Мы не боимся, нисколько не боимся,— сказал Таиб.— На нас наступают, нам приходится отступить на шаг — другой, но потом мы продвигаемся на десять шагов вперед.

У большинства крестьян деревни участки не более пятой части гектара, а то и еще меньше. Но все они отстаивают с удивительной непоколебимой энергией эту землю, которую принесла им освободительная борьба.

— А в общем, лучше теперь, чем прежде?— спрашиваем мы.

— Лучше! Много лучше. У каждого есть земля. Как же можно сказать, что не стало лучше?— послышались ответы со всех сторон.

— А достаточно этой земли?

Все дружно засмеялись.

— Немного земли — лучше, чем вовсе ничего.

— Видите ли,— заговорил Текно,— у меня и у других не хватает, конечно, риса, чтобы кормиться вдосталь с семьей. Пока не хватает... Но все же у меня есть теперь какое-то место в жизни. Я живу среди соседей, среди друзей.

— Да,— тихо поддержал друга Таиб.— Первое дело для крестьянина — земля, пусть даже маленький кусочек. Мы вернули себе то, что чужестранцы отняли у нас... На своей земле крестьянин может хотя бы мечтать. Он может надеяться. И у него есть что защищать.

Несколько женщин внесли чашки с кофе.

— Это все, чем мы можем угостить вас,— сказал Таиб.— Но этот кофе с нашей собственной земли, и, может быть, он покажется вам поэтому вкуснее.

Чувствовалось, что все здесь близко знают друг друга, что этих людей связывает крепкая соседская дружба. Они вкусили горести и радости борьбы за свободу, за землю и знают цену народному единству.

Среди мужчин был один, которому все хотелось что-то сказать. Имя его, как нам сказали, было Супатун. На нем была потертая армейская куртка. Возле него стояла красивая женщина, закутанная в бледножелтую шаль — саронг — поверх чистой белой туники-кабайи.

Супатун тоже партизанил против японцев в горах. Когда он занимал свой участок земли, примерно десятую часть гектара, он держал в руках свою винтовку. Не расставался он с ней и во время пахоты и когда строил себе скромную хижину.

— Отдадите вы свою землю?

— Нет! Никогда! С землей мне лучше.

— Лучше-то лучше,— задумчиво сказал Таиб,— но надо, чтобы было еще лучше, и притом — для всех.

Гул одобрения покрыл эти слова.

Когда мы покидали деревню, провожаемые добрыми пожеланиями крестьян, мне вспомнились снова две картины, виденные в резиденции президента Сукарно.

Борьба оставила свои следы на многих лицах в этой прекрасной стране — следы страданий и первых побед. Мы видели выражение твердости и упорства в позах крестьян, склонившихся над зеленью рисовых полей. И всюду, куда бы мы ни приезжали в Индонезии, мы ощущали, что надежда на полноту победы все сильнее овладевает народом, что он готов идти до конца в своем желании упрочить и увековечить независимость родной Индонезии.

Грузчики в порту Сурабайи.

Из английской поэзии

С. МАРШАК

Рисунки В. Высоцкого.

I. ЭПИГРАММЫ И ЭПИТАФИИ

Надпись на ошейнике собаки, принадлежащей принцу Уэльскому

Я — принца крови чистокровный пес.
А вы-то чьи, простите за вопрос?

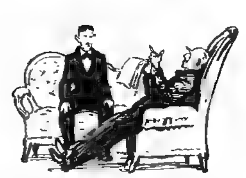
Надгробная надпись

Степенная, внушительная дама
Покоится на лоне Авраама.
Ей хорошо на лоне у него,
Но Аврааму каково?

Эпитафия сплетнице

Здесь — в келье гробовой —
Лежит она, немая.
Но стала таковой
С пятнадцатого мая.

Отзыв на пьесу

Хвалю я пьесу вашу, сэр,
Особенно вторую часть.
Но почему бы, например,
Вам и начало не украсть?

Эпитафия

Под этой скромной насыпью в могиле
Спит вечным сном покойный Гопкинс Вилли.
Признаться, Джоном назывался он,
Но не рифмуется с могилой имя «Джон».

Печальная история

Утопилась тетка Смита
У себя в колодце.
Значит, воду через сито
Процедить придется.

Примерная собака

Крадется вор
На графский двор,—
Я очень громко лаю.
Крадется друг через забор,—
Я хвостиком виляю.

Вот почему графиня, граф
И друг их самый верный
За мой для всех удобный нрав
Зовут меня примерной.

Старая и новая [1]

Новая церковь,
«Свободная» церковь,
Церковь без колокольцев.
Старая церковь,
Холодная церковь,
Церковь без богомольцев.

Сам виноват

Пред нами жертва ожиданья.
Напрасно жертвуя собой,
Он ждал на улице свиданья
Под водосточною трубой.

О, человек — сосуд непрочный!
Весной, когда идут дожди,
Ты под трубою водосточной
Своей возлюбленной не жди.

О певцах

Обычно лебеди поют,
Почуяв близость смерти.
А многим лучше умереть
До первых нот в концерте.

Язык — ее враг

Алиса беззуба, и это не диво:
Она с малолетства была говорлива.
И скажет вам всякий, кто с нею знаком,
Что зубы сточила она языком.

Почему застраховали один из колледжей в Оксфорде!

В одном из колледжей имущество и дом
Застраховали от пожара...
Ведь им известно, что́ за кара
Постигла за грехи Содом!

Святой Георгий

Георгий, наш святой, во время оно,
Спасая девушку, убил копьем дракона.

Дракон был выдуман. Святой Георгий тоже.
Но, может, девушка жила на свете все же?..

[1] Эта шотландская песенка неизвестного автора была популярна во время борьбы официальной, господствующей церкви с реформированной, так называемой «свободной» церковью.

II. НАРОДНЫЕ ДЕТСКИЕ ПЕСЕНКИ

Разговор

Тетя Трот и кошка
Сели у окошка,
Сели рядом вечерком
Поболтать немножко.

Трот спросила: «Кис-кис-кис,
Ты ловить умеешь крыс?»
«Мурр»,— сказала кошка,
Помолчав немножко.

Королевский пирог

Артур был славным королем,
Был милостив и строг.
Украл он три мешка муки,
Чтобы испечь пирог.

В начинку сливы положил,
Корицу, сахар, соль
И сало в руку толщиной,—
На то он и король!

Со всем двором он ел пирог,
Залив струей вина.
А что в ту ночь доесть не мог,
Поджарила жена.

Воскресная прогулка

Три крысы в костюмах и шапках из плюша,
Три утки в соломенных шляпках для суши,
Три юных собаки с хвостами кольцом,
Три кошки с закрытым вуалью лицом
Пошли на прогулку и встретили свинок,
Двух свинок в шелках с головы до ботинок.

Но скоро ударил раскатистый гром,
И все по домам побежали бегом.
И только три утки дождю были рады:
Они не боятся испортить наряды.

Но всё ж, как обычно в дождливые дни,
Чепцы из резины надели они.

Вопрос и ответ

Спросил меня голос
В пустыне дикой:
— Много ли в море
Растет земляники?

— Столько же, сколько
Селедок соленых
Растет на березах
И елках зеленых.

Мэри

У маленькой Мэри
Большая потеря:
Пропал ее правый башмак.
В одном она скачет
И жалобно плачет,—
Нельзя без другого никак!

Но, милая Мэри,
Не плачь о потере.
Ботинок для правой ноги
Сошьем тебе новый
Иль купим готовый,
Да только смотри береги!

Мышка в мешке

Однажды старушка
У нас в городке
Послала на мельницу
Мышку в мешке.

Но мельник ни разу
Мышей не молол,
А если молол,
То не брал за помол.

Том, сын трубача

Том, Том, сын трубача,
Украл свинью и дал стрекача.

Украл он свинью и за это побит.
И вот он в слезах по дороге бежит.

Робин-Боббин

Рóбин-Бóббин
Кое-как
Подкрепился
Натощак,
Съел теленка утром рано,
Двух овечек и барана,
Съел корову целиком
И прилавок с мясником,
Сотню жаворонков в тесте
И коня с телегой вместе,
Семь церквей и колоколен.
Да еще и недоволен!

О мальчиках и девочках

Из чего только сделаны мальчики?
Из чего только сделаны мальчики?
Из улиток, ракушек
И зеленых лягушек —
Вот из этого сделаны мальчики.

Из чего только сделаны девочки?
Из чего только сделаны девочки?
Из конфет и пирожных
И сластей всевозможных —
Вот из этого сделаны девочки.

Жена в тачке

Покуда не был я женат,
Я был так одинок
И прятал сыр и ветчину
На полке в уголок.

Но так как мыши грызли сыр
И ели ветчину,
Поехать в Лондон я решил
И взять себе жену.

Широких улиц там не счесть,
А в переулках тесно.
Не мог проехать я с женой
В карете многоместной.

Жену я в тачку погрузил
И сам ее повез,
Но скоро тачка и жена
Свалились под откос.

Храбрецы

Однажды двадцать пять портных
Вступили в бой с улиткой.
В руках у каждого из них
Была иголка с ниткой.

Но еле ноги унесли,
Спасаясь от врага,
Едва завидели вдали
Улиткины рога.

КОЛДОВСТВО

НЕ ПРОДАЕТСЯ

Рассказ

Дорис ЛЕССИНГ

Рисунки Г. Филипповского.

Дорис Лессинг (1919 г.) — прогрессивная английская писательница, член писательского объединения в защиту мира. Долгое время она прожила в Африке. Свою литературную деятельность Дорис Лессинг начала в 1950 году (роман «Трава поет»). В 1952 г. выходит в свет первая часть трилогии «Марта Квест». Два сборника, «Страна старого вождя» (1951 г.) и «Пять повестей» (1953 г.), рассказывают о жизни африканского народа. Рассказ «Колдовство не продается» взят из сборника «Страна старого вождя».

У Фаркваров долго не было детей, пока, наконец, у них не родился маленький Тедди. Родители были растроганы, видя, с какой радостью работники фермы приходили полюбоваться на новорождённого, подносили подарки — птицу, яйца, цветы — и восторженно изумлялись мягким золотистым волосикам ребенка и его голубым глазкам. Они так поздравляли миссис Фарквар, словно она совершила какой-нибудь подвиг, а она, и впрямь чувствуя себя героиней, с благодарной улыбкой посматривала на восхищенных, неловко переминавшихся туземцев.

Когда Тедди в первый раз постригли волосы, Гидеон, повар, подобрав с полу мягкие золотистые пряди и благоговейно держа их в руках, улыбнулся мальчугану и сказал:

— Золотая головка!

С тех пор туземцы так и называли мальчика. Гидеон и Тедди стали большими друзьями. Кончив работу, повар сажал Тедди на плечи, относил его в тень под большое дерево и там играл с ним. Он мастерил для малыша забавные игрушки из веток, листьев, травы или лепил из мокрой глины фигурки зверей.

Когда Тедди стал учиться ходить, Гидеон направлял его первые шаги. Присев на корточки, он подзывал ребенка к себе ободряющими возгласами, всегда во-время подхватывал его, когда малютка собирался упасть, подбрасывал высоко вверх, и оба заливались веселым смехом. Миссис Фарквар любила старого повара за его привязанность к Тедди.

Больше у Фаркваров детей не было. Гидеон однажды сказал:

— Ах, миссус, бог послал нам это дитя. Золотая головка — самое дорогое, что у нас есть.

Это «у нас» наполнило миссис Фарквар теплым чувством к старому повару. В конце месяца она прибавила ему жалованья. Служил он на ферме уже несколько лет. Жена и дети его жили в туземном поселке за несколько сот миль отсюда, но он был одним из тех немногих туземцев, которые никогда не просились отпустить их домой, в родной крааль.

Иногда из кустов выглядывал маленький негритенок, ровесник Тедди. Он благоговейно взирал на удивительные светлые волосы белого мальчика и его северные голубые глаза. Ребятишки долго и с интересом приглядывались друг к другу, и однажды Тедди, движимый любопытством, потрогал щеки и волосы чернокожего мальчика.

Наблюдавший за ними Гидеон удивленно покачал головой и сказал:

— Ах, миссус, один из них вырастет и станет баасом, а другой — слугой.

Миссис Фарквар улыбнулась и грустно сказала:

— Да, Гидеон, я думала о том же.— Она вздохнула.

— Такова воля божья,— проговорил Гидеон. Он был воспитанником миссионерской школы.

Фарквары были очень набожными людьми, и религиозное чувство, присущее и хозяевам и слуге, сближало их еще больше.

Тедди было около шести лет, когда ему подарили самокат. Он научился кататься и полюбил быструю езду. Целыми днями он носился по ферме, налетая на цветочные клумбы, разгоняя кудахчущих кур и лающих собак, и, делая головокружительный разворот, останавливался у дверей кухни.

— Гидеон, посмотри на меня! — кричал он. И Гидеон, смеясь, говорил:

— Очень хорошо, Золотая головка.

Младший сын Гидеона, работавший пастушонком, специально пришел из лагеря, чтобы поглядеть на самокат Тедди. Он боялся подойти слишком близко, но Тедди сам стал носиться прямо перед носом у негритенка.

— Черномазый,— кричал он,— дай дорогу!

Он принялся так быстро кружиться вокруг чернокожего мальчика, что тот убежал от страха в кусты.

— Зачем ты напугал его? — грустно и укоризненно спросил Гидеон.

— Да ведь это черный мальчишка! — вызывающе смеясь, ответил Тедди.

Гидеон молча отвернулся, и Тедди помрачнел. Проскользнув в дом, он взял апельсин и принес его повару.

— Это тебе.

Он не мог заставить себя извиниться, но в то же время ему не хотелось потерять расположение Гидеона. Вздохнув, повар неохотно взял апельсин.

— Скоро ты пойдешь в школу, Золотая головка, станешь большим,— удивленно сказал он. И добавил, слегка покачав головой: — Вот так и идет наша жизнь.

Он, казалось, подчеркивал расстояние между собой и Тедди, но не из чувства обиды, а как человек, готовый принять с покорностью неизбежное.

Маленьким ребенком Тедди лежал у него на руках, улыбался ему, сидел у него на плече, их игры длились часами. Теперь Гидеон уже не позволил бы себе дотронуться до белого мальчика. Он был попрежнему добр к Тедди, но в голосе у него проскальзывали нотки официальности — это заставляло Тедди надувать губы и сердиться. И вместе с тем мальчик чувствовал себя от этого взрослым. Он обращался с Гидеоном вежливо, холодно, и если приходил за чем-нибудь на кухню, то отдавал распоряжения тоном белого человека, знающего, что слуга должен ему повиноваться.

Но когда однажды Тедди, прижимая руки к глазам, крича от боли, вошел, пошатываясь, в кухню, Гидеон уронил кастрюлю с горячим супом. Он бросился к ребенку и с силой отвел его руки от глаз.

— Змея! — вскрикнул он.

Тедди, как обычно, носился на своем самокате и, решив отдохнуть, остановился у кадки с растениями. Древесная змея, свесившись с крыши, плюнула ему прямо в глаза.

На шум прибежала миссис Фарквар.

— Он ослепнет! — зарыдала она, прижимая к себе Тедди.— Гидеон, он ослепнет!

Глаза мальчика вздулись до размеров кулака. Через полчаса он мог окончательно ослепнуть. Маленькое белое личико было обезображено огромными слезящимися опухолями багрового цвета.

— Подождите минутку, миссус, подождите, я принесу лекарство! — крикнул Гидеон и, выбежав из дома, скрылся в кустарнике.

Миссис Фарквар унесла ребенка в дом и промыла ему глаза марганцовкой. Она даже не расслышала того, что сказал Гидеон. Но когда стало ясно, что ее средство не помогает ребенку, мать с ужасом вспомнила, что сама видела негров, ослепших от плевка древесной змеи. Не находя себе места, она ждала возвращения повара, смутно припоминая все, что слышала о целебных свойствах местных трав. Так стояла она у окна, держа на руках испуганного, плачущего ребенка и беспомощно устремив взгляд в кустарник. Прошло пять минут, и она увидела бегущего изо всех сил к дому Гидеона. В руке он держал какое-то растение.

— Не бойтесь, миссус,— проговорил, задыхаясь, Гидеон,— это вот вылечит глаза Золотой головки!

Он оборвал листья, оставил только маленький белый мясистый корень. Даже не помыв его, он положил корень в рот, быстро пожевал его и взял ребенка у миссис Фарквар. Зажав Тедди между колен, он так сильно нажал большими пальцами на его глаза, что мальчик закричал.

— Гидеон, Гидеон! — запротестовала в ужасе миссис Фарквар. Но Гидеон не обращал ни на что внимания. Он склонился над корчившимся от боли ребенком, стараясь раздвинуть опухшие веки, и как только приоткрылись глаза, изо всей силы плюнул раз, потом еще раз — сначала в один глаз, потом в другой. Наконец он поднял Тедди и, осторожно передавая его матери, сказал:

— Ему будет лучше.

Миссис Фарквар продолжала плакать и едва была способна поблагодарить Гидеона. Она уже не верила, что Тедди будет видеть. Часа через два опухоль спала, к Тедди вернулось зрение, но глаза еще были воспалены и болели.

Мистер и миссис Фарквар пришли на кухню. Они без конца благодарили Гидеона и просто не знали, как выразить ему свою признательность. Фарквары принесли повару подарки для жены и детей, прибавили ему жалованья, но они понимали, что все это ничто по сравнению с исцелением зрения Тедди.

— Гидеон, сам бог послал тебя совершить добро,— говорила миссис Фарквар.

— Да, миссус, на все божья воля,— отвечал Гидеон.

Когда на ферме случается что-нибудь подобное, об этом вскоре узнают все. Супруги Фарквар рассказали историю с глазами Тедди соседям, и о ней заговорили по всей округе.

Обширные заросли Африки полны тайн. Тот, кто живет в этих местах или даже в африканской степи, не может не знать о существовании древней мудрой науки о растениях, почвах, временах года, составляющей наследие чернокожих людей, а также, что, пожалуй, гораздо важнее, о тайнах, известных им одним. По всей округе ходили рассказы о всевозможных случаях, происшедших с кем-нибудь из жителей.

«Я видел это собственными глазами. Это был укус змеи. Рука кафра вздулась до самого локтя, словно большой черный пузырь. Через полминуты он едва стоял на ногах. Он уже умирал. И вдруг из кустов появился другой кафр, в руках у него был пучок травы. Он помазал чем-то больное место, и на другой день парень уже работал, и на руке у него, кроме двух небольших царапин, ничего не было видно».

Такие случаи всегда рассказывались с некоторым раздражением, потому что все знали, что в Африке существует очень много ценных целебных средств, скрытых в коре деревьев, в обыкновенных на вид листьях, корнях, но выведать тайны у туземцев было невозможно.

В конце концов история с Тедди стала известна и в городе. Один врач, услышав о ней в гостях или где-то в другом месте, усомнился в ее достоверности.

— Ерунда! — сказал он.— Такие вещи всегда преувеличивают. Сколько раз мы ни проверяли подобные истории, они всегда оказывались пустым вымыслом.

Как бы то ни было, но однажды утром у фермы остановилась незнакомая машина. Из нее вышел один из работников городской лаборатории; с собой у него были ящички с пробирками и химическими препаратами. Мистер и миссис Фарквар засуетились, они были довольны и польщены. Ученого пригласили к завтраку и снова, уже в сотый раз, рассказали ему с самого начала, как было дело. Маленький Тедди был тут же, его голубые глаза, как бы в подтверждение достоверности, искрились здоровьем. Ученый стал говорить о пользе, которую могло бы принести человечеству но-

вое лекарство, если бы его пустили в продажу. Фарквары обрадовались еще больше: это были добрые, простые люди, и им было приятно сознавать, что они могут сделать что-то хорошее. Но когда ученый заговорил о деньгах, которые они могли бы получить, им стало как-то не по себе. Они относились к случившемуся чуду (иначе они об этом и не думали) с таким глубоким, почти религиозным чувством, что даже мысль о деньгах была им неприятна. Заметив выражение их лиц, ученый поспешил вернуться к первоначальной теме разговора — о прогрессе человечества. Возможно, впрочем, что он относился ко всему этому слегка иронически: он не впервые приезжал охотиться за тайнами этих мест.

Когда завтрак был окончен, Фарквары позвали Гидеона в комнату и сказали ему, что вот этот баас — Большой Доктор из Большого Города, он приехал издалека, чтоб увидеть Гидеона. Услышав это, повар как будто испугался и никак не мог взять в толк, что от него хотят. Миссис Фарквар поспешила объяснить, что Большой Баас приехал расспросить о чуде, которое Гидеон совершил с глазами Тедди.

Гидеон переводил взгляд с хозяйки на хозяина, с хозяина на мальчика, который был полон важности, чувствуя себя героем дня.

Наконец повар проговорил с неохотой:

— Большой Баас хочет знать, какое лекарство я употребил?..

Он сказал это так, словно не верил, что его старые друзья могли так предать его Мистер Фарквар принялся толковать о том, какое полезное лекарство можно сделать из этого корня, и как его можно пустить в продажу, и как тысячи людей, белых и черных, во всей Африке можно будет спасти этим лекарством, если яд змеи попадет им в глаза.

Гидеон слушал, опустив глаза, недовольно наморщив лоб. Когда мистер Фарквар кончил, Гидеон не произнес ни слова. Ученый, который все время сидел, откинувшись на спинку большого кресла, и с добродушно-скептической улыбкой потягивал кофе, теперь вмешался в разговор. Он в других словах начал объяснять все сначала: как можно сделать из корня лекарство и как важно это будет для науки. В заключение он пообещал Гидеону подарок.

Наступило молчание. Потом Гидеон сказал равнодушно, что он не помнит, какой это был корень. Выражение лица его было сердитое и враждебное даже тогда, когда он смотрел на Фаркваров, к которым он всегда относился, как к старым друзьям. Хозяев начинало раздражать поведение повара, и от этого раздражения исчезало какое-то неясное чувство вины, которое они испытывали под укоризненным взглядом Гидеона. Им стало казаться, что он ведет себя глупо. И в то же время они поняли, что чернокожий ни за что не уступит. Значит, магическое средство так и останется без применения, никому не известным, за исключением немногих африканцев, обладающих этой тайной, туземцев, которые ходят в изодранных рубахах и залатанных штанах и роют канавы для муниципалитета... А ведь они природные, наследственные врачеватели, сыновья и внуки старых знахарей, у которых под безобразными масками, ожерельями из костей и прочими нелепыми атрибутами их магии пряталась какая-то настоящая сила и мудрость.

Вполне возможно, что Фарквары сто раз в день наступали ногой на чудодейственное растение, проходя из дома в сад или со скотного двора на маисовое поле, но так и не знали об этом.

И они продолжали раздраженно уговаривать повара, но Гидеон твердил, что не может вспомнить, что такого корня нет, что он не растет в это время года, что вовсе не корень, а его, Гидеона, слюна вылечила глаза Тедди. Он говорил все это подряд, явно не смущаясь тем, что одно противоречило другому. Он был груб и упрям. Фарквары не узнавали своего доброго, любящего старого слугу в этом невежественном, тупом и упрямом туземце, который стоял, опустив глаза и теребя фартук, и приводил все новые отговорки, одну нелепее другой.

И вдруг Гидеон как будто сдался: подняв голову, он посмотрел долгим, бессмысленным и злобным взглядом на группу белых, которые казались ему кольцом собак, набрасывающихся на него с громким лаем.

— Я покажу вам корень,— сказал он.

От фермы все гуськом пошли по тропе кафров. Стоял знойный декабрьский полдень, небо затягивалось дождевыми тучами. Все было накалено. Солнце было похоже на медный поднос, вращающийся над головой, над полями колыхался раскаленный воздух, земля трескалась под ногами, горячий ветер с песком и пылью дул в лицо. Ужасный день! В такое время только лежать на веранде и потягивать напитки со льдом.

Время от времени, вспоминая, что в день, когда Тедди укусила змея, потребовалось всего несколько минут, чтоб найти корень, кто-нибудь спрашивал:

— Далеко еще, Гидеон?

И Гидеон, сдерживая злость, отвечал вежливо через плечо:

— Я ищу корень, баас.

И действительно, он часто наклонялся то по одну, то по другую сторону тропинки, раздвигая рукой траву, и злил своих спутников небрежностью, с которой он это делал. Он водил их среди кустов, по неизвестным тропам добрых два часа, под невыносимо палящим солнцем. Они изнемогали, пот ручьями струился по телу, болела голова. Все молчали: Фарквары — потому, что были злы, ученый — потому, что еще раз убедился, что таинственного растения не существует. Он молчал из приличия.

Наконец в шести милях от дома Гидеон вдруг решил, что с них достаточно, а может быть, его гнев прошел. Мельком взглянув на траву, он сорвал пучок голубых цветов, которые повсюду попадались им на пути. Он протянул их ученому, не глядя на него, повернулся и пошел по направлению к дому, предоставив им следовать за ним, если они захотят.

Когда они вернулись домой, ученый пошел на кухню поблагодарить Гидеона: он был очень вежлив, несмотря на свой насмешливый взгляд. Но Гидеона там не было.

Небрежно бросив цветы на заднее сиденье своей машины, почтенный гость отбыл обратно в свою лабораторию.

Гидеон вернулся на кухню готовить обед, но был все еще в мрачном настроении и разговаривал с миссис Фарквар тоном непокорного слуги. Прошло много времени, прежде чем вернулось их прежнее расположение друг к другу.

Фарквары расспрашивали своих рабочих о корне. Одни отвечали недоверчивыми взглядами, другие говорили:

— Мы не знаем, мы никогда не слышали об этом корне.

И только один из туземцев, пастух, который уже давно работал у Фаркваров и привык относиться к ним с некоторым доверием, сказал:

— Спросите своего повара. Он ведь врачеватель. Он сын знаменитого лекаря, который жил в этих местах. Нет такой болезни, которую он не мог бы вылечить.— И вежливо добавил: — Конечно, он не такой хороший лекарь, как белые, мы знаем это, но для нас он хорош.

Через некоторое время, когда чувство взаимной обиды у Фаркваров и Гидеона прошло, они начали подшучивать:

— Гидеон, когда ты покажешь нам змеиный корень?

Он смеялся в ответ, качал головой и говорил чуть смущенно:

— Но ведь я показал вам, миссус, разве вы забыли?

Прошло еще некоторое время. Тедди, уже школьник, приходил на кухню и говорил:

— Ты старый негодник! Помнишь, как ты обманул нас всех, заставив исходить столько миль по кустарникам, и все зря? Мы зашли так далеко, что отцу пришлось нести меня на руках.

Гидеон заливался вежливым смехом. Потом, вдруг выпрямившись, он вытирал свои старые глаза и с грустью смотрел на Тедди, который, ехидно усмехаясь, глядел на него с другого конца кухни.

— Золотая головка! Как ты вырос! Скоро ты станешь совсем взрослым, и у тебя будет своя ферма...

Перевели с английского
С. Дзенит, И. Маненок.

ПОКОРЕНИЕ ЧУ

Орто-Токойский поселок.

С. МОРОЗОВ

Фото М. САВИНА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

«Хозяин воды — хозяин жизни», — гласит киргизская пословица. Следы древних оросительных сооружений, сохранившихся в Киргизии, свидетельствуют, что ирригация применялась здесь с давних времен. При благодатном климате долины, названной по имени реки Чу, вызревают пшеница и виноград, южная конопля и кенаф, эфироносы и хлопок. Рекордные урожаи дает на поливных землях сахарная свекла. В советскую эпоху, когда киргизский народ стал хозяином своих земель, только в одной Фрунзенской области действуют 33 оросительные системы. За последние три десятилетия площади поливных земель в области возросли почти в два с половиной раза.

Извилист и сложен путь бурной Чу от снеговых вершин Тянь-Шаня до бесплодных песков Муюнкумов. Воды ее, отведенные по каналам оросительной сети, можно встретить и на окраине города Фрунзе, где рядом с тенистой рощей плещет прохладное Комсомольское озеро, и в соседнем селе Ворошиловском — в бетонном ложе высокого акведука, и на окрестных полях, изрезанных арыками. На 70 километров протянулась одна только западная ветвь Большого Чуйского канала, она уже орошает обширные земли, служит источником энергии для целого каскада гидростанций. Строители прокладывают путь чуйской воде и дальше на запад — в Казахстан. На востоке от столицы Киргизии сооружается вторая, восточная, ветвь канала.

С каждым годом растут потребности колхозов и совхозов в оросительной воде, и, чтобы влага на полях была в изобилии, далеко в горах, на высоте 1 750 метров над уровнем моря, создается гигантский резервуар для всей Чуйской ирригационной системы — Орто-Токойское водохранилище.

Дорога из Фрунзе в Орто-Токой недолга по времени, но обильна впечатлениями. С каждым поворотом шоссе открываются новые пейзажи, живые картины созидательного труда советских людей.

Сначала горы очень далеки, только на юге белеет хребет Ала-Тау. Но вот остаются позади многолюдные села, растянувшиеся на десятки километров вдоль шоссе, и на севере возникает вторая гряда возвышенностей — это Чу-Илийский хребет.

Под мостом струится полноводный поток. Слева, на безоблачном небосводе, вырисовываются бетонные башни, силуэт плотины. Справа, в изумрудной зелени болотной луговины, частыми проблесками светит водная гладь. Две реки идут здесь почти рядом: стремительная Чу, разливающаяся по каменистому руслу меж бесчисленных галечных отмелей, и спокойная, рожденная подземными источниками Красная река. Тут, у селения Кенбулун, соседствуют головное водозаборное сооружение западной ветви Большого Чуйского канала и Краснореченский гидроузел.

Направляющие дамбы подводят воды Чу к бетонной плотине, которая как бы расслаивает мутный горный поток. Верхние струи воды забираются в канал, нижние, несущие гравий и песок, сбрасываются ниже плотины в речное русло. В двух километрах от головного сооружения западная ветвь Большого Чуйского канала сливается с Красной рекой, чьи теплые родниковые воды не замерзают даже при сильных морозах. Это особенно важно для зимнего питания гидростанций, расположенных ниже. От плотины Краснореченского гидроузла отходит Краснореченский магистральный канал, орошающий большие земельные площади.

Еще недавно головная водозаборная плотина на Чу и Краснореченский узел были пусковыми объектами стройки. Теперь это действующие гидротехнические сооружения.

Стройка развертывается сейчас ближе к предгорьям. Здесь от берегов Чу прокладывается вторая по очередности, восточная, ветвь канала.

Когда вечером въезжаешь в Орто-Токойское ущелье, то сначала не видишь ничего, кроме крутых, почти отвесных гор. Голые, лишенные растительности, они словно упираются в самое небо — звездный полог его выглядит здесь таким близким. И вдруг ярче звезд вспыхивает россыпь электрических огней. Длинными рядами по дну ущелья тянутся строения, прижатые почти вплотную к берегам бурлящей реки. Кажется, что вот-вот пенистые воды выплеснутся из неровного, каменистого ложа, смоют дома, зальют все вокруг.

Нет, такое впечатление ошибочно. Люди здесь живут в дружбе с рекой. И здесь, высоко в горах, река так же служит людям, как и там, в долине. Вот под скалами, в которые словно врос корпус небольшой электростанции, бурлит водопад — это выходят отведенные по каналу воды Чу, дающие свет и поселку и стройке. Жилые строения остаются позади, и перед нами новый, еще более мощный поток, вырывающийся из недр горы в широкое бетонированное отверстие. А чуть подальше, меж двух естественных гранитных массивов, высится третий, искусственный. Он растет на глазах, строится. Плотина Орто-Токоя перекрывает старое русло Чу, и воды реки текут теперь в обход, по новому, подземному руслу, пробитому в гранитной толще.

Советские ирригаторы подсчитали: в чаше Орто-Токоя ежегодно с осени до весны можно накапливать более полумиллиарда кубометров воды, чтобы затем, с наступлением сельскохозяйственных работ, равномерно подавать ее на поля Чуйской долины. Сто двадцать пять тысяч гектаров земли в Киргизии и Южном Казахстане можно оросить водами Чу, собранными в резервуаре Орто-Токоя. Сотни тысяч тонн зерна и хлопка, сахарной свеклы и люцерны, лубяных культур, винограда и фруктов дадут тогда дополнительно колхозы и совхозы Чуйской долины.

Потому-то стройка в горах, начатая еще накануне войны и возобновленная в послевоенные годы, завоевала всенародную известность в Киргизии.

Вспоминая недавнее прошлое, начальник строительства Орто-Токойского водохранилища Исхак Хасанович Булатов рассказывает, как неуверенно поначалу чувствовали себя люди, поселившиеся в палатках, юртах и бараках. Из глухих аулов собрались сюда чабаны. Исконные скотоводы, недавние кочевники, привыкшие проводить жизнь в седле, они на первых порах робко косились на экскаваторы, боязливо ощупывали бурильный инструмент, затыкали уши и зажмуривали глаза на взрывных работах. Сюда съезжались и молодые инженеры — выпускники вузов.

По склону горы, в недрах которой пробит тоннель, протянуты шланги от компрессора. Сжатый воздух подается на высоту 52 метров. Оттуда доносятся то гулкие взрывы, то стрекотание перфораторов. Там бурильщики ведут проходку шахты для затвора тоннеля. Замечательное это будет устройство: стоит повернуть рычаг — и тяжелые ворота наглухо закроют тоннель. Семь месяцев в году будет стоять он на запоре, пока в чаше Орто-Токоя не соберется полмиллиарда кубометров. А придет весенняя пора, ворота откроют — и высокогорные воды хлынут на поля Чуйской долины, растекаясь по сети бесчисленных арыков.

Люди многих строительных профессий, соревнуясь друг с другом, стремятся закончить сооружение высокогорного водохранилища в 1956 году. Орто-Токой вместе с Большим Чуйским каналом входит в программу великих работ, утвержденную XIX съездом Коммунистической партии Советского Союза.

Стройка в горах изменила облик окружающей местности. Теперь в ущелье не просто походный лагерь строителей, а небольшой уютный городок с постоянным населением. Не видать былых палаток и юрт. На смену баракам вырастают все новые благоустроенные дома. Председатель Орто-Токойского поселкового Совета Мугульсун Абдурахманова с гордостью показывала нам посадки молодых тополей, недавно отстроенные здания школы, больницы. Все это, созданное строителями, со временем перейдет к тем, кто будет трудиться на Орто-Токойском гидроузле. Да, наверное, и многие строители прочно осядут здесь.

На строительстве Орто-Токойского водохранилища. Насыпка плотины.

Укатка грунта в плотине.

Шоферы-передовики стройки Тогтогул Молдыбаев (слева) и Бирназар Балбиев.

→ Воды реки Чу пришли по каналу на поля колхоза имени Молотова, Ворошиловского района

Большой Чуйский канал. Аламединский акведук.

Комсомольское озеро в городе Фрунзе.

Студенты Курского педагогического института на учебной практике в степи.

Фото А. Богданчикова.

Василий **ТИТОВ**

В восемнадцати километрах на юг от Курска, там, где на автомобильной магистрали Москва — Симферополь стоит небольшое селение Селиховы Дворы, лежит один из замечательнейших уголков курской земли — заповедная целинная Стрелецкая степь.

Когда автобус мчит вас по хорошо накатанному асфальту в сторону древнего Обоянья, к Белгороду, с дороги, пожалуй, ее сразу и не заметишь: от глаз степь скрывают невысокие валы с буйными кустами желтой акации. Разве только ветер выдаст ее, когда он с разлету бросит широко из-за кустов в открытое окно бегущей машины охапку вольного, неповторимого аромата.

Расцветает Стрелецкая степь рано. В апреле она лежит уже вся голубая. Цветы прострел-травы высыпают дружно, и очень тогда бывает похоже, что на земле под солнцем, как на пиршественном столе, стоят тонкие голубые бокалы. В мае степь по голубому ковру первых цветов вдруг прыснет спорой зеленью острой, прозрачной, торопливой травы, и скоро над нею выметывает свои жаркие шапки адонис-горицвет. Тогда уже степь лежит под солнцем вся золотая. Скоро среди золотых цветов над травами поднимаются тонкие фиолетовые гребешки нежных, горделивых касатиков-ирисов, а вокруг них под ветром поднимаются и начинают кружиться белые цветы ветреницы.

Ботаники называют Стрелецкую степь живым, неувядающим музеем растительного мира, геоботаники — жемчужиной, выпавшей из того великолепного ожерелья русских степей, что когда-то катились могучими зелеными коврами от Тулы до самого Белгорода. На этом прекрасном куске земли сохранились и растут такие растения, большинство из которых давно уже исчезло с заливных лугов. Растения цветут ярус за ярусом в течение всей весны и лета, обгоняя в известные сроки друг друга, и степь постоянно меняет свою окраску. Эту смену окраски степи ботаники называют аспектами цветения. Их насчитывается много.

В июне, когда по курской земле шло на тонких былках трав красное лето, я увидел ее в летнем наряде. Уже на ней, голубой и пряный, топорщил свои елочки в нежных толстогубых цветах шероховатый шалфей, разбежались по высокой траве белые звездочки песчанки, раскачивался, встав выше всех над травами, важный и гибкий, с тугими пунцовыми корзинками на безлистных стеблях наголоватник, розовые пригоршни цветов подняла вровень с ним валериана. Степь звала в разные концы. Там она лежала светлорозовой, здесь раскинула шали, отливающие шелком и беспредельной белизной, а у дальнего края она рделась алым цвéтом — цвела герань луговая.

Когда-то Стрелецкая степь принадлежала жителям стрелецкой слободы города Курска. Хлебопашеством стрельцы не занимались, держали скот, косили на сено травы, продавали его на городских осенних торгах. Сено Стрелецкой степи ценилось высоко за свои несравненные качества. Но никто не знал, что этот уголок земли являет собою неисчерпаемую кладовую для науки и таит неувядаемую ботаническую красоту. Здесь сошлись растения холодного северного пояса и растения засушливых причерноморских степей. На просторах степи можно найти цветы и травы, что растут на дальнем западе нашей земли и на восточных заволжских землях. Более шестисот видов растений различных зон нашей страны хранит степь на своих просторах.

Первым открыл неувядаемую ботаническую красоту этого уголка земли профессор Московского государственного университета В. В. Алехин. Он посвятил ей много лет труда и был одним из организаторов заповедника.

И вот с тех пор, как степь была открыта для науки, она дарит ботаникам все новые и новые творения природы.

Да вот и вчера в лесистом дубовом Толстом логу было такое, отчего здесь, на курской земле, повеяло сразу далекой горной, альпийской Сибирью. Дождь загнал нас с Сергеем Сергеевичем Левицким, ботаником и хранителем гербария заповедника, под дубки. Встали мы близ самой низины лога, созерцая, как большие капли, скатываясь с дубов, стучали по листьям пахучей сныти, как листья вздрагивали и покачивались из стороны в сторону, и слушали, как от дождя по всему лесу шум стоит. Есть какая-то особенная прелесть в том, когда идет долгий дождь в лесу, а лес стоит, подставив зеленые могучие плечи, лениво сутулится, и все в нем шепчется и вздрагивает.

И вдруг услышали мы, как кто-то там в кустах зашумел, потом вылетел к нам почти под ноги барсук, смекнул, что тут что-то неладно, махнул в чащу, а следом за ним на широких махах и с лаем прошла лисица. Замечательно! Непуганые звери на охраняемой земле! И так захотелось поглядеть на них, что я было и руку протянул и хотел показать ботанику на барсука и лисицу: мол, глядите, глядите, ведь это же бесподобно,— как он вгляделся совсем в другую сторону, в низину лога, где открытый дождь лупил вовсю по густым травам, и с криком: «Подождите, сейчас погляжу!» — ринулся туда.

— Да это же, смотрите, «ирис сибúрика»! Родной, но не известный здесь брат нашего касатика степного! — сказал он, возвратившись и держа в руке длинные, с толстым корневищем листья растения, среди которых на сочном тонком стебле покачивался горделиво очень похожий на граненый бокал бледнофиолетовый большой цветок.

А сегодня мы с Сергеем Сергеевичем опять идем «ведать степь». Полдень, и все потонуло в зное и ароматах трав. Мы идем без дороги, прямо по цветам. А в них беспрерывный звон и жужжание насекомых. И кажется, что вокруг нас степь со всеми этими пчелами и осами, шмелями и жуками деловито варит дивное, благоухающее варенье. Сергей Сергеевич далеко ушел вперед. Вдруг он опустился на колени:

— Эспарцет донской. Глядите, какая дружно цветущая форма.— И объясняет: — Ведь у эспарцета донского, что растет на наших лугах, сильно растянуто цветение и плодоношение. Трудно собирать его семена. А какая изумительная кормовая трава! Я давно ищу форму с дружным плодоношением. Был убежден, что такая давно должна выработаться в Стрелецкой степи.

И он показывает невысокое, с мелкими кремовыми цветами растение. Еще одна находка, и какая! Именно эту форму растений и искал ботаник. Когда-то у нас была такая профессия — луговод. Луговодов готовили в специальных учебных заведениях. Теперь ни один из вузов страны не готовит специалистов этого профиля. Правильно ли это?

Блуждая по лугам, часто видишь, как в самой долине, по днищу ее, растет сочная дикая вика, которая даже в клубки свалялась и так цветет. Склоны же этой долины голы, вика на них не лезет. Почему? Оказывается, потому, что тот вид вики, что растет на дне долины, на склонах расти не может: он влаголюбив! На склонах же может расти только собрат влаголюба — засухоустойчивый, менее требовательный к влаге вид. А вот его-то здесь и нет. И оттого склоны этого лога пустуют. Ботаники, изучая Стрелецкую степь, подметили эту закономерность. Левицкий поставил себе задачу: найти формы растений, приспособившиеся к разным рельефам, и такие, у которых выработались новые, полезные хозяйственные качества. Так вот, есть у нас на юге очень полезное хозяйственное растение — люцерна желтая. Ее сеют в полях. Но у этой люцерны два досадных недостатка. Эту желтую люцерну трудно убирать. Стебли ее полегают, пластаются по земле — машиной не скосишь. К тому же она часто вымерзает. Левицкий долго искал и нашел в степи иную форму люцерны. У нее прямостоячий стебель, и она не вымерзает даже в самые суровые морозы. Нашел он на степи замечательные новые формы быстрорастущих, разнорельефных вик, которые могут быть использованы в качестве раннего корма. Затем обнаружил замечательную форму засухоустойчивого мышиного горошка; костра безостого, у которого лист не опушенный, а голый, и его отлично поедает скот. Степь Стрелецкая — неиссякаемый источник пополнения травостоя утраченных пастбищ, выбитых скотом лугов и долин.

...Хороша Стрелецкая степь днем, а еще лучше она в час пробуждения! Есть такой час пробуждения степи.

Он приходит перед самым рассветом, когда ночь вдруг сделается темнее чернил, степь намертво замирает, ничто не колыхнется в ней, даже перепела замолкают. Ароматы улеглись, неслышны. И вдруг неожиданно ветерок пронесется по цветам, и хоть и солнце еще не всходило, а вдруг станет все вокруг светлее, ударит где-то перепел, ему отзовется второй, третий — и заколышутся травы, и побегут по степи волны, как в море.

С утра росы; едем мы степной дорогой с геоботаником Георгием Матвеевичем Зозулиным на почвенную траншейку. Чернозем

в степи лежит глубоким, двухметровым слоем. За века его создали отмирающие корни растений и стебли трав.

Эта траншейка — зеркало творческой лаборатории природы, и он везет меня, чтобы показать ее.

Мы едем и видим, как просыпается степь. Вот раскрывает свои сонные, сложенные в кулачки бутоны высокий козлобородник, и скоро под солнцем начинают гореть тысячи его больших золотистых цветов; вот раскрывает розовые корзиночки козелец. Эти цветы первыми начинают хорошее утро, если в степи хотя бы до полудня стоять ведру.

Но вот и почвенная траншейка — вырытая посредине степи широкая яма с отвесными стенами. Со всех сторон ее обступили травы и цветы, подошли к ее краю, колышутся и веют над нею. И если спуститься в траншейку, то увидишь, как эти цветы и травы пронизали корнями и корневищами землю и как корни их тянутся тут по гладкому отвесному срезу стенки, иногда почти через весь этот могучий двухметровый жирный черноземный слой до самых желтых глин. Георгий Матвеевич пересчитывает растения, что встали на полуметровом контрольном отрезке края траншейки. Тут и кустик незабудки примостился, и розовая веточка эспарцета, и видны корешки и клубеньки незацветавшей еще белой таволженки, сильный корень козлобородника, пораненный и изливающий белый молочный сок, и щетинистое корневище костра безостого. Тридцать пять самых разных растений насчитывает он тут. Могучее, дружное сообщество!

Здесь видно, какую роль играют и играли растения с длинными и короткими корнями в создании почвы, как они, отмирая, накапливали в толщах древних глин перегной и создали, наконец, могучий плодородный чернозем Стрелецкой степи.

— Эталон наших черноземных полей и луговых просторов, по которому можно и нужно поверять почвенные нарушения и изменения,—говорит, поглядывая на степь, Зозулин.— Эта степь примерно то же, что государственный эталон метра, по которому всегда легко проверить и исправить все ошибки и отклонения мерительных инструментов. Только наш эталон куда более сложнее и драгоценнее,— это эталон природы.

Мы выбираемся из траншейки и едем смотреть дальние участки степи. А степь лежит уже вся в зное. Над нею плывут белые кучевые облака. Когда облако наплывает, набегает холодок. Так едем час, едем два. Солнце, простор и вольный целебный, сам вливающийся в легкие свежий ароматный воздух!

...Однако на этом южном русском просторе степь искони была бок о бок с лесом. Когда-то многоверстные дубовые шумные леса бежали от самого Курска до древнего Обояньи. Сейчас в Стрелецкой степи от этих лесов остались только дубравы. Таков тут Петрин лес, таков Дедов, Веселый, Бабка, Дуброшина, Соловьятник, Селиховы Кусты. Все эти сырые, темные дубравы богаты соловьями. Их здесь такое множество, что, кажется, на каждый куст приходится по соловью. Послушать их стоит. Тут водятся такие соловьи, что до пятнадцати и более песенных колен имеют в своем наборе. И поет их такой певец в таких комбинациях за целый вечер и теплую ночь, что неискушенному слуху покажется: поет тут не один, а пять и больше соловьев кряду. Нет, не улыбайтесь зря, не говорите всем известное, старое: чем, мол, курский-то соловей лучше, скажем, тульского? Не спорьте! Вот и Сергей Иванович Жмыхов, наблюдатель и хранитель дуброшинского участка степи и леса, тоже скажет это — он-то уж знает! В прошлом бравый сержант, всю минувшую войну прошел; он хорошо помнит и дунайских, и полабских, и пражских соловьев. Уж они-то попели немало солдату песен за много весен его походов. А все же лучше курских соловьев, говорит он, лучше курских не слыхал! Мы уговорились с Анатолием Михайловичем Шуяевым — молодым лесничим заповедника — побывать ночью на вершине древнего кургана, что стоит в Дуброшине и слушает вот уже сколько веков и степь, и лес, и все, что вокруг тут делается. В потемках пробираемся в Дуброшину. На степи вовсю гремят перепела, и она уже остывает. А здесь, продираясь через чащи, развернешь по пути какой-нибудь куст, и он обдаст тебя такой росою и таким настоявшимся за день теплом, что ежеминутно будто принимаешь настоенный на цветах и травах успокоительный душ. А в Дуброшине уже давно идет состязание молодых сердец, гремит фестиваль дарований, бушует конкурс бывалых мастеров! Вся Дуброшина гремит! Сергей Иванович уже здесь, на вершине кургана. Слышим его сердитое:

— Где ж вы запропали, веники зеленые!

Он наметил певца и указывает на куст, где состязается тот. Вслушиваемся — хорош! Колен в двенадцать не укладывает свою песню. Сергей Иванович объясняет коленца. Тут чего-чего нет! И «бисер», и «водопойная капель», и «лешева дудка», и «чечеточка», и «рожок», и «мужик», и «горошек», и «роспись». Вот начинает так резко, будто орешки колет, — щелк-щелк-щелк, вот взял «мужика», нежнейшим образом пустил «пеночку», мастерски вывел «флейту», рассыпался «горошком», присыпал «бисером» и — цвирь! — как расписался.

— Фамилию поставил,— убеждает Сергей Иванович.— У каждого хорошего соловья своя фамилия есть. По ней его и узнать можно. Только этот какой-то неряха! — сердится он.— Расписался, а без точки. Мастер точкой закончить должен.

Ждем, когда соловей закончит «точкой». Вот он начал все заново, но начал уже песню иначе, как будто кого-то зовет. Лесничий пробует переложить коленца соловья на свой лад, выводит:

— Тихон, Тихон, Тихон, коровто гнал, гнал, аль нет?

Сергей Иванович лукаво ко- [illegible]

— Так ли? Вот!

И он, тонко подражая соловью, вывел:

— Тимох, Тимох, Тимох, слышка, припел, припел разом трех, трех, трех, трех! Ну, а ты?

Мы все трое весело смеемся... Гремит лес соловьями, а степь — степь перепелами гремит.

Курск, заповедник.

В. СУХАРЕВИЧ

Приговор театральных зрителей иной раз бывает очень кратким:

— Неинтересно...

И спектакль обречен. Пусть даже звучат со сцены самые значительные и мудрые слова — они бесполезны, если зал пуст. Театр никто не посещает в принудительном порядке, он должен увлекать, потрясать, очаровывать — вот о чем забывают многие театральные деятели...

К счастью, не все. То, что Ленинградский театр имени Ленсовета во время гастролей в Москве, да еще жарким летом, в самый разгар «мертвого» сезона почти ежедневно собирал на свои спектакли переполненный зал,— одно из первейших доказательств живой силы его искусства. И недаром здесь зрители каждый раз, когда падал занавес, кричали:

— Акимова! А-ки-мова!

Главному режиссеру театра каждый раз — как в день премьеры — приходилось раскланиваться со сцены вместе с актерами, по праву деля с ними большой успех.

Творческий путь Н. П. Акимова не был ровной, проторенной дорогой. Этот неутомимый искатель яркого и праздничного на сцене, возглавляя некогда Ленинградский театр комедии, отдал дань чистой театральности. В его спектаклях художник часто побеждал режиссера, и тогда среди буйства цвета, пестрого убранства сцены, острых сатирических гипербол и ярких комедийных трюков гасла непосредственность чувств, тускнели образы, ощущалась недостаточная глубина режиссерского [illegible]

И может быть, оттого, что актеры драматического театра, в который теперь пришел Акимов, имели опыт воплощения сложных образов, да и сам режиссер многое постиг и многому научился, последние акимовские спектакли, не утрачивая живописной яркости, обрели глубину. Каждый новый спектакль в новом для Акимова театре вызывал споры среди зрителей и в театральных кругах.

Горячий отклик прессы возбудил, например, спектакль «Европейская хроника» А. Арбузова — повествование о политических событиях в Европе, начиная от войны в Испании в 1936 году до «холодной войны» недавнего прошлого. Режиссер рассказывает все это своим, образным языком. Например, сомнение некоторых критиков вызвала монахиня, проезжающая в начале спектакля по тихой улице Копенгагена. «Что это, формализм?!» — спрашивали рецензенты. А фигура женщины в древнем облачении на вполне современном велосипеде воспринимается как своеобразная заставка к спектаклю — прошлое и настоящее причудливо переплелось в старой Европе. Каждая режиссерская находка Акимова в этом спектакле направлена к тому, чтобы тот или иной образ обрел предельную остроту и выразительность. И если «Европейская хроника» прошла у ленинградцев уже 150 раз,— значит, зрители приняли и полюбили в спектакле все то, что для них сделано.

Своих зрителей театр имени Ленсовета покоряет и упорными поисками репертуара, своего направления в искусстве. Именно здесь начала новую сценическую жизнь драматическая сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени» — незаслуженно забытая пьеса замечательного русского писателя. И в этом спектакле ярко проявилось новое в режиссерском творчестве Акимова. Не прибегая к гротеску и шаржу — на что дает некоторое право сам жанр пьесы, — Акимов ищет и показывает страшное и уродливое

«До новых встреч» А. Гладкова. Сцена из третьего акта

«Дело» А. В. Сухово-Кобылина в Ленинградском государственном театре имени Ленсовета. Пролог.

в обычном течении жизни чиновничества Петербурга. Клаверов (П. Панков), Набойкин (Ю. Бубликов), Свистиков (А. Абрамов) — это не «кувшинные рыла», не абстрактные олицетворения пороков, а живые люди прошлого века, в которых их борьба за корыстные интересы умертвила все человеческое. И столкновение с этим миром Бобырева (В. Петров), человека честного, но слабовольного, его жены (Г. Короткевич), женщины искренней, но легкомысленной, приводит одного к моральному падению, вторую — к полной душевной и нравственной опустошенности. Главная заслуга театра здесь состоит в том, что зрителю показана правдивая картина нравов, представлена с проникновением в психологию действующих лиц история характеров, сломленных чиновничьим Петербургом.

Совсем недавно театр поставил опять-таки редко идущую драму А. Сухово-Кобылина «Дело». И примечательно, что если в драматической сатире «Тени» театр вывел на первый план драму, то в драме «Дело» с особенной остротой подчеркнул ее острое сатирическое звучание. Уже в прологе, когда на лестнице, олицетворяющей ступени иерархии, стоят в полной неподвижности «начальства», «силы», «подчиненности», а затем «ничтожества, или частные лица», которых нам представляет чтец,— мы наглядно ощущаем весь строй тогдашней жизни. Страшные это были времена! Жестокость, продажность, предательство, самодурство, царившие в чиновничьем мире, обрели в спектакле подчеркнуто яркие и вполне реальные черты. И снова режиссерские находки Акимова служат наиболее полному раскрытию образов. Когда, беседуя с Муромским, Варравин (его с большим мастерством играет П. Панков), опираясь руками на стол, передвигает их, как зверь лапы, приближаясь к жертве, — это очень страшно. И так представлены все «силы» и «подчиненности» чиновничьего мира: и «важное лицо» (В. Таскин), и Тарелкин (Ю. Бубликов), и многие другие участники «с кровью вырванного дела», о котором рассказал нам Сухово-Кобылин, сам много от судебного произвола претерпевший. Автора представляет в театре не только чтец, но и та яростная, злая ненависть, которой пронизан спектакль,— ненависть к мздоимцам и разбойникам в мундирах, вершившим судьбы людей в царской империи.

«Хорошая песня» П. Когоута. Сцена из первой картины.

Обнаружив не только знание законов сатиры, но и явное пристрастие к ней, театр другой своей постановкой — пьесой С. Михалкова «Охотник»— показал, что и в наши дни можно и должно разить тени прошлого, омрачающие нашу жизнь. В центре новой комедии Михалкова история о том, как бесплодный и мелкий человек Невидимский — руководитель некоего научно-исследовательского института — присвоил себе чужой научный труд и был разоблачен. Стремительность действия, острый юмор делают спектакль увлекательным. И хотя соблазны водевильной легкости встречаются здесь на каждом шагу, успех этого веселого спектакля достигается настойчивым стремлением раскрыть характеры действующих лиц. Увлеченность охотой Невидимского (П. Панков) — его единственная подлинная страсть, и актер выразил это превосходно. Охота за чужим добром ведется Невидимским с таким же азартом. «Охотник» высматривает, ищет, петляет, врет... В полном соответствии с правдой жизни этому бесчестному человеку противопоставлены хорошие люди: научный сотрудник Зубарин (А. Гюльцен), инженер Кокорев (Ю. Бубликов), Ирина Невидимская (В. Шестакова), — удавшиеся театру не менее, чем злые сатирические маски халтурщика Хапуновина (Д. Бессонов), или вдовы академика Циановой (В. Будрейко), или авантюриста-игрока Шапкина (А. Абрамов). Зритель видит на сцене не паноптикум уродов, а живых лиц, реальную борьбу людей чести со всякими жуликами, проходимцами.

Театр охотно ставит и популяризирует комедию. Он привез в Москву «До новых встреч» А. Гладкова, «Хорошую песню» П. Когоута, классическую комедию П. Кальдерона «Спрятанный кабальеро». Правда, не во всех спектаклях точно и ясно определена та высокая цель, во имя которой свистит бич сатиры, звенит веселый смех. Есть кое-где гиперболы неоправданные, шутки во имя шуток, комедийные трюки без прицела. Особенно много их в «Спрятанном кабальеро» (режиссер — П. Вейсбрем).

Это тем более обидно, что хороший вкус отличает лучшие спектакли театра и особенно ярко проявляется в очаровательной лирической поэме чехословацкого драматурга П. Когоута «Хорошая песня». История первых размолвок молодых и очень милых супругов Катерины (А. Елекоева) и Вашека (В. Кузнецов) могла бы показаться банальной, но в нее тончайшим узором вплетена ирония. Может, осуждение отрицательного в жизни героев спектакля здесь и смягчено, но он зовет к душевной чуткости.

Итак, и в драме, и в комедии, и в лирической поэме вы ясно ощущаете, что́ хочет сказать театр о жизни нынешней и днях минувших. Причем рассказывает он ярко, живо, с молодым задором и увлеченностью, не забывая о том, что театр есть театр.

Фото А. Гладштейна и С. Фридлянда.

«Европейская хроника» А. Арбузова. Сцена из первого действия.

Замок Вартбург.

Эдит **РИЦШКЕ,**
немецкая журналистка

В Тюрингии, этом зеленом сердце Германии, у подножия лесистых гор, лежит старинный немецкий городок Эйзенах. С высоты горного хребта, господствующего над городом, величественно озирает окрестности замок Вартбург — место, откуда брали начало многие исторические движения немецкого народа.

Еще в средние века, 750 лет тому назад, Вартбург стал центром немецкой свободолюбивой песни. Отсюда отправлялись в скитание по всей стране знаменитые песенники-миннезингеры тех времен — Вальтер фон дер Фогельвейде, Вольфрам фон Эшенбах, Генрих фон Фельдеке и другие. Они несли в народ ненависть к князьям и папе, ратовали за объединение страны, провозглашали идею «единства и порядка в государстве».

Тремя столетиями позже, в 1521 году, в Вартбургском замке нашел приют Мартин Лютер, бежавший от преследования князей и владык католической церкви. Отсюда гремели пламенные речи и воззвания Лютера, вдохновлявшие народ во времена великой Крестьянской войны. В замке Вартбург Лютер создал церковную песнь, ставшую своего рода «Марсельезой» крестьянских повстанческих армий.

Прошло еще 300 лет, и Вартбург увидел в своих стенах первый слет певцов со всей Германии. Это были объединенные в корпорации студенты, которые в мрачные годы реакции, раскола и разложения еще продолжали высоко держать национальное знамя. Праздник песни в Вартбурге происходил в 1817 году — после изгнания Наполеона. Участники праздника принесли клятву — всегда и неизменно бороться за единство Родины. Так Вартбург стал символом немецкой песни, несущей в народ идеи единства и незави-[redacted]

* * *

В наши дни песни единства и мира снова звучат в Вартбурге. Снова этот старинный замок влечет к себе певцов со всей немецкой [redacted]

На третий Вартбургский слет немецких певцов, состоявшийся в конце августа, съехалось 10 500 хористов, в том числе до 7 тысяч из Германской Федеральной Республики. Эйзенахцы горячо приветствовали не только земляков, но и зарубежные хоры, прибывшие со Всемирного фестиваля молодежи в Варшаве. Такого огромного собрания любителей народной песни старый замок еще не знал. Весело звучали тирольские напевы, исполняемые хором «диридлей» из горной Баварии, гамбургские докеры посвящали свои «Ватеркант» девушкам из Саксонии.

В программе хоровых соревнований было 22 больших концерта. Концерты проходили и в Эйзенахе и в близлежащих городах Тюрингии. Огромные массы слушателей привлекли выступления певцов Монгольской Народной Республики, Финляндии, Франции, Чехословакии и других стран. Для гостей выбор стал источником мучений: столько было интересных выступлений, что поспеть повсюду становилось буквально невозможно! Мне хотелось, например, обязательно услышать ораторию Генделя «Иуда Маккавей» в исполнении западноберлинского хора; но одновременно выступали прекрасные певцы из Германской Демократической Республики, а в другом месте — эйзенахская капелла под управлением известного дирижера Георга Шумана; хотелось послушать и ансамбль «Мадригальнрейз» из Потсдама, и концерт западногерманского детского хора «Мы молоды, и мир весь — перед нами», и многое, многое другое. Пришлось остановиться на оратории Генделя, которую великий композитор написал в 1746 году как гимн борьбы английского народа за свободу и независимость, против феодально-клерикальной реакции. Прекрасное исполнение оратории вознаградило меня за все упущенное на других концертных площадках.

Не подумайте, что три концерта в день набили гостям оскомину. Нет! От незамысловатой песенки горца до кантаты Бетховена — таков был диапазон репертуара; мы услышали лучшие произведения мировой музыки, притом редко исполняемые. Все человеческие чувства: страдание и радость, отчаяние и надежда, жажда любви и счастья, мира и братства людей — все это прошло перед нами в звуках песен на незабываемом Вартбургском слете.

* * *

Во время вартбургской встречи я видела, как плакал старый певец, гамбургский рабочий. Случилось это так.

Певец из Гамбурга сидел рядом со мной и слушал концерт хора из Праги. Молодые, бронзовые от загара, со сверкающими глазами и веселыми улыбками, юноши и девушки в национальных нарядах Чехословакии пели перед нами — и от их песни становилось тепло на душе. Они пели о голубе, посланном узнать, есть ли еще на земле люди, которые хотят войны. И потрясающе прозвучала в конце песни клятва простых людей — никогда не поднимать оружия против народа Советского Союза...

И тут-то я увидела, как по щекам моего соседа-гамбуржца побежали слезы. «Вот как оно выглядит у них!» — про[redacted] он.

* * *

Концерты сменялись дружескими встречами певцов разных народов. Вот участники парижского народного хора оживленно разговаривают с финскими певцами. Двое ребят из западногерманского города Золингена обсуждают план загородной прогулки с девушками из Восточного Берлина. Певцы обмениваются сувенирами, спорят о музыке и о самых острых проблемах современности, рассматривают два сборника народных песен, одновременно изданных в Берлине и Бонне.

На широком дворе Вартбургского замка собралась вся огромная масса певцов. Заключительный ночной праздник. Концерт соединенного многотысячного хора.

Торжественно оглашается «Манифест ко всем певцам Германии, ко всем немцам на востоке и западе».

Вартбург, как сказано, слышал клятву студентов в 1817 году. Теперь он стал свидетелем манифеста, принятого тысячами немцев. В манифесте содержится призыв к сближению обеих частей Германии не только на почве искусства песни, но и в области государственной политики, призыв к решению германского вопроса путем мирных переговоров.

«Наша песнь,— говорится в манифесте,— прозвучавшая в одном многотысячном хоре с высот Вартбурга в сердце Германии,— это призыв к разуму всей немецкой нации, к лучшим силам нашего народа. Это — свидетельство неделимости немецкой культуры».

У памятника Баху члены певческого кружка из ГДР беседуют с финскими певцами.

Танцевальная группа прокатного завода Гредитц выступает перед жителями Эйзенаха.

Певческий кружок из Золингена вступает в замок.

ДОМ НАД МОСКВОЙ-РЕКОЙ

Дача М. М. Пришвина.

«Мой дом над Москвой-рекой — это чудо. Он сделан до последнего гвоздя из денег, полученных за сказки мои или сны. Это не дом, а талант мой, возвращенный к своему источнику.

Дом моего таланта — это природа. Талант мой вышел из природы, и слово оделось в дом...»

М. М. ПРИШВИН. Из дневника.

В древнем звенигородском краю, на привольном холме над Москвой-рекой, по соседству с деревней Дунино, стоит небольшой дом, окруженный соснами и липами. Когда-то, в 1904—1905 годах, здесь жил скульптор С. Т. Коненков, потом академик А. Н. Бах, а с 1947 года поселился М. М. Пришвин. Весной, летом и осенью при любой погоде писатель бродил по соседним лесам и полям с ружьем и собакой, а то и просто с записной книжкой, непрерывно пополняя ее новыми записями.

Не считаясь с возрастом и здоровьем, Пришвин неутомимо и упорно работал, проводя чуть ли не половину дня за письменным столом в своем кабинете. В этом кабинете, выходящем окнами на реку, и посейчас все сохранилось в том же виде, как было при жизни писателя: кровать с шерстяным одеялом, высокие охотничьи сапоги, синяя охотничья куртка, старое, хорошо послужившее ружье-бескурковка, сношенный ягдташ, бинокль. На столе, среди бумаг — ружейные гильзы, небольшая коробочка с надписью рукой Пришвина: «Манка. Рябцы». Два шкафа с книгами, и в одном из них — те, которые читал и перечитывал писатель в последние годы жизни. Здесь много классиков, отечественных и иностранных: Пушкин и Толстой, Гоголь и Достоевский; Тютчев и Блок, Горький и Маяковский, Руссо и Диккенс, Флобер и Мериме; много тут и политических и научных книг, говорящих о большой разносторонности интересов «певца русской природы». Гениальный труд В. И. Ленина «Государство и революция» соседствует с «Теорией отражения» Тодора Павлова, «Россия и Европа» Н. Я. Данилевского — с «Основами геологии» В. А. Обручева. Отдельно подобраны руководства по автомобильному и лесному делу.

На нижней полке того же шкафа хранится драгоценное и неоценимое сокровище: свыше десяти толстых, прочно переплетенных тетрадей-дневников писателя, которые он вел день за днем в течение почти пятнадцати лет.

Дневники Пришвина — это не бытовые или творчески-черновые записи и заметки-«заготовки», а полностью отделанные, замечательные литературные произведения. Писатель и сам придавал им большое значение. «Повесть моя зарастает, а я думаю: не больше-ли всякой повести эти записи о жизни, как я их веду»,— писал он, например, в дневнике за 1950 год. В дневниках можно найти и прекрасный роман, долженствующий, по завещанию писателя, носить название «Мы с тобой», и отточенные новеллы о природе и животных, и бытовые сцены, исполненные острейшей наблюдательности, и сокровенные мысли о Родине, об искусстве, о творчестве и мастерстве.

Все это, конечно, будет в свой срок печататься, обогащая советскую литературу. В первом подписном посмертном собрании сочинений М. М. Пришвина, выпускаемом Гослитиздатом, дневники частично уже печатаются рядом с не опубликованным доселе романом «Осударева дорога» и повестью «Мирская чаша». Особенно интересна созданная из дневников поэма «Глаза земли» объемом до 20 печатных листов, публикуемая в пятом томе.

В кабинете и столовой масса фотографий, запечатлевших охотничьи скитания Пришвина и милую красоту Подмосковья. Пришвин был не только неповторимым писателем, но и первоклассным художником-фотографом.

В старом саду, подступающем к самым окнам дома, белым, голубым и розовым цветом распускаются по весне сирень, яблони и вишни, а летом тонко благоухают жасмин и розы, ярко пестреют на клумбах ирисы, тюльпаны и флоксы. В осеннюю пору сад весь золотой и лиловый, пахнет горечью вялой листвы, зимой тонет в глубоких и чистых снегах. Среди лип и берез растет, упрямо тянется вверх «елочка Васи Веселкина» (одного из героев «Корабельной чащи»), посаженная Михаилом Михайловичем в память окончания книги в 1953 году.

Во всем этом как-то особенно чувствуется Пришвин, душа его творчества, нерасторжимо слитая с мудрой природой.

Творчество Пришвина, пронизанное великой радостью жизни, пользуется любовью в самых разнообразных читательских кругах. Об этом говорят тысячи писем, хранящихся в архиве писателя, и экскурсии, непрерывно прибывающие на дачу Пришвина. Многие из экскурсантов делятся своими впечатлениями в «Книге записей».

С. Т. Коненков пишет (29 августа 1954 года): «Как приятно мне быть опять в доме, где я жил полвека тому назад, видеть вновь чудесные места — лес, реку и т. д. Как дорого мне, что в этом чудесном месте я встретил и ближе узнал М. М. Пришвина — этого замечательного русского художника, произведениями которого зачитываюсь и теперь...»

Педагог-воспитатель пионерского лагеря Воронкин отмечает: «Очень поучителен для ребят пример личной скромной жизни старейшего русского писателя, и хотелось бы, чтобы для многих наших ребят и для взрослых это место было сохранено, как исторический памятник».

«Мы увидели и узнали очень много интересного о жизни и творчестве замечательного русского писателя... Было бы очень хорошо открыть здесь музей»,— выражает пожелание руководитель группы туристов-десятиклассников одной из московских школ.

Пожелания об организации в доме М. М. Пришвина литературного музея высказываются почти на каждой странице «Книги записей».

Создание музея Пришвина, классика советской литературы,— насущное дело наших писательских организаций.

Ник. СМИРНОВ

Неопубликованные записи

Михаил ПРИШВИН

Венецианская люстра

В одном музее я заметил венецианскую люстру, похожую на цветок, но такой совершенной формы, какой не бывает в природе и какую мог создать только человек. А бывает, усталый где-нибудь присядешь на опушке леса и влюбишься в какой-нибудь простейший цветок вроде полевой незабудки и думаешь, разглядывая его проникновенно, что никакой человек не создавал и не создаст такой живой красоты.

Придет зима — вернешься к люстре: в хрустальных лепестках загораются огоньки, и тогда опять думаешь: нет, такой совершенной формы не существует в природе!

Но как же незабудка-то летняя?

И вспомнив ее, спрашиваешь: где она теперь?

И сам себе отвечаешь.

Глубоко под снегом лежат ее истлевшие листочки, и не найдешь их новой весной, и не заменит ее новым летом новый цветок. Напротив, встретив другой, подобный, я загрущу, и отвернусь, и скажу:

— Дайте мне ту мою единственную незабудку, только тогда я и тебе, моя хорошая, тоже обрадуюсь!

Прелесть живого цветка подчеркнута непременной и близкой смертью его. Своей красотой он как бы обращается ко мне словами:

— Возьми меня, человек, я тебе отдаюсь и вверяюсь, возьми и спаси меня от неминучей смерти!

И вот какой-то человек взял смертный цветок и создал бессмертный из хрусталя.

Пусть он разбит — все равно, он не умирает: даже в обломках его остается победное усилие человека на пути к бессмертию.

Мать-мачеха

В природе рождается человек, и потому мы часто говорим: мать-природа. Из этого факта является у нас милость к природе. В природе человек умирает от нападения на него видимых и невидимых врагов. Природа является местом борьбы человека за существование. Значит, природа человеку и мать и злая мачеха.

Из этого начались все наши сказки.

Вечерняя заря

Вечерняя заря разгоралась, солнце освещало уже только верхушки деревьев, внизу быстро темнело, и полная, еще бледная луна приготовилась сменить солнечный свет.

Вот и погас на самом высоком пальчике самого высокого дерева солнечный луч.

Художник положил кисть.

— Чуть-чуть не кончил,— сказал он.

— Что же вы теперь будете делать? — спросили мы.

— Ничего,— ответил он,— придется ждать солнечного вечера: нужно одно только мгновение.

— Но такое мгновение в природе не повторяется: пришло и ушло.

— Конечно, не повторяется, но приходит подобное, я вспомню неповторимое и его удержу.

— Разве так можно?

— А как же! На что же бы тогда человеку и быть человеком, если бы у него не было памяти о неповторимом мгновении?

Родина

Природа, как и жизнь, не поддается логическому определению, и спросите любого, что он понимает в слове «природа». Никто не даст всеохватывающего определения: одному это дрова и стройматериалы, другому — цветы и пенье птиц, третьему — небо, четвертому — воздух и так без конца. В то же время каждый из этих потребителей знает, что это не все.

Недавно это нечто большее, чем свой личный интерес, мы почувствовали к природе во время войны, и как мы это почувствовали! Общий интерес: это Родина, дом наш.

Природа явилась нам, как Родина, и Родина-мать обратилась в Отечество.

Охота

Первым моим охотничьим оружием была шибалка: так почему-то назывался у нас кривой сук, вроде бумеранга.

Однажды этой шибалкой я подбил молодого вялого галчонка, и он попал мне в руки. Он был в таком состоянии, что какое положение ни придать ему, в таком он и остается. Это меня смутило потому, что было против всякого охотничьего естества, в котором одно живое существо убивает, а другое его догоняет. Что тут делать? Я взял галчонка и посадил его на сук липы. После обеда посмотрел — сидит! После чая посмотрел — сидит! После ужина — сидит! Вероятно, я очень мучился за галчонка этой ночью, если через всю свою жизнь, как через тысячу лет, пронес это воспоминание. Утром встал, поглядел туда — галчонок лежит на земле мертвый.

Я со слезами вырыл ямку и похоронил галчонка, но охотиться не перестал и до сих пор охочусь, больше сочувствуя всякой симпатичной живой твари, чем те, кто сам не охотится, но охотно кушает дичь в жареном виде.

И всю-то, всю-то жизнь я как охотник слышу от этих лицемер-

ных людей одни и те же слова: как вам не стыдно охотиться, убивать? И всю жизнь я отвечаю одни и те же слова: как вам не стыдно кушать то, что для вас убивают.

Дело в том, что моралисты обыкновенно не обладают охотничьим чувством, и я знаю из них только одного Льва Толстого, который как моралист проповедовал вегетарианство, а как охотник бил зайцев до старости.

[redacted]

Нам почему-то кажется, если это птицы — то они много летают, если это лани или тигры, то непрерывно бегают, прыгают. На самом деле птицы больше сидят, чем летают, тигры очень ленивые, лани пасутся и только шевелят губами.

Так и люди тоже. Мы думаем, что жизнь людей наполняется любовью, а когда спросим себя и других, кто сколько любил, и оказывается — вот как мало! Вот как мы тоже ленивы!

Ум животных

Раз читал книгу и когда оторвался от чтения, то увидел перед собой козу, привязанную за кол на траве возле картофеля. Натянула веревку — не рвется. Вернулась к колу — и бац в него лбом! Кол тронулся. Натянула веревку — стала поближе, еще раз — бац! Еще стала ближе, и так раз за разом вытянула кол. Наелась картофеля.

А дача стояла под огромной ветлой, и крыша дома, с одной стороны покрывая тоже и сарай, спускалась до земли. Коза, когда наелась, залезла на крышу и под ветлой наверху легла.

[redacted] хозяева — нет козы. Стали искать — нет нигде, стали ждать, и, как в сказке: нет козы с орехами, нет козы с калеными! И когда уже спать ложились, слышат с крыши: мэ-мэ!

У меня толкование: она, виноватая, спряталась, а когда люди стали жалеть, то явилась.

— Коза, известно, умное животное,— сказала Катя.— А вот кто поверит, что блоха умная, да еще какая умная!

Рассказала, как она выискивала блох у Васьки и заметила: он их выгрызал.

— Поверите ли, блохи стали жить у него на щеках и особенно ближе к носу. Когда начну вычесывать их, найду на всем коте одну — две, а на щеках по десятку, и всегда кучкой штук по пяти. Какие умные!

— Никакого ума у блохи: нос — это остров спасения,— ответил я.— А вот было у меня с гусем. Читаю очень скучную книгу. Читаю, больше листая. Это листанье услышал гусь, обошел меня, и как только я листану, он: га-га-га!

Никогда я так резко не встречаюсь с природой, как если я читаю рассеянно: какой-нибудь паучок в булавочную головку — и как он интересен! Гусь же меня очень заинтересовал.

Я уже нарочно стал листать, и чем больше — гусь все ближе. Листану, а он: га-га-га! Но мне надо было прочитать, я принудил себя и про гуся забыл. Листал я, листал — вдруг га-га-га! И прямо из-под рук гусь вырвал целую страницу из скучной книги.

— Чем же не ум?

— Ум замечательный,— ответила Катя,— только дурно направленный.

В океане

Ничего тебе не сделать, ты пропадешь, если только не поставишь свою лодочку на волну великого движения и твое личное «хочется» не определится в океане необходимости всего человека. Так ли я думаю?

Вокруг меня лес, и могучие стволы столетних деревьев, и цветы внизу, и папоротники, и мох, и ручьи, и птицы сверху глядят на меня, и белка играет тяжелыми шишками. Все так понятно, все подтверждает и выговаривает: ты правильно мыслишь!

Прихожу и становлюсь на работу среди людей, и смотрю на их дело и на свое: все правильно!

Топи, топи, Михаил, все эти мысли в действии, держись простоты «Кладовой солнца», всем понятной. Пусть у тебя будет разговор со всем народом, с людьми образованными и необразованными, старыми и малыми, русскими и нерусскими.

2 июля. Нас, стариков, разделяет от молодых завеса прошлого, которая так висит, как бывает кисейная занавеска в комнате.

От нас изнутри к ним наружу видно, а от них к нам в комнату ничего видеть нельзя.

4 июля. Самое трудное в борьбе за первенство — борьба со своей индивидуальностью: ее надо побороть так, чтобы люди на нее не обращали никакого внимания и видели одно только дело.

Так и наши большие революционеры, как бы даже стыдясь своей индивидуальности, показывались только в делах.

11 ноября. С утра возился с машиной и к обеду сдал ее в ремонт на завод.

— Генерал сказал, генерал рассердился, генерал, генерал...— повторяла намазанная девица-шофер на заводе. Я указал ей место в своей машине.

— Кто же нас повезет?— спросила она. Я молча сел за руль.

— Кто вы такой?— спросила она меня.

— Маршал!— ответил я. И мы [redacted]

Зеркало человека

Природа — это материал для хозяйства всего человека и зеркало пути каждого из нас к истине. Стоит только хорошо задуматься о своем пути и потом из себя поглядеть на природу, как там непременно увидишь переживание своих собственных мыслей и чувств.

Вот как просто, кажется, бегут, догоняя друг друга, по проволоке капельки воды дождевой: одна задержалась, другая нагнала ее, обе слились в одну и вместе упали на землю. Так просто. А если задуматься о себе, что переживают люди в одиночку, пока не найдут друг друга и не сольются! И с этими мыслями станешь исследовать капли в их слиянии, и окажется — у них тоже не так просто капли сливаются.

И если посвятить себя этому изучению, то откроется, как в зеркале, жизнь человека, и что вся природа есть зеркальный свидетель жизни всего человека — царя.

1947.

Леонид ЛЕНЧ

Рисунки Е. Ведерникова.

Хуже нет для странствующего литератора, как очутиться в одном купе с неразговорчивым попутчиком!

Войдет в вагон этакий мрачноватый дядя, сядет на диван, посмотрит на тебя подозрительно, вынет из чемодана колбасу и вареную холодную курицу и так, в молчаливом общении с курятиной и колбасой, и проведет весь свой недолгий поездной век.

Пытаясь разговорить его, ска-[redacted]

— Взгляните, какая рощица красивая!

Он выглянет в окно, буркнет: «Ничего себе!» — и снова давай трещать куриными костями!

Сойдет с поезда — и останутся от человека лишь обглоданные косточки да узкая ленточка колбасной кожуры в пепельнице на столике!..

То ли дело попутчик общительный: он и тебя разговорит и сам такого нарасскажет — только успевай сюжеты запоминать. (Именно запоминать, в блокнот потом запишите. Ни в коем случае не вытаскивайте блокнот во время разговора: вспугнете чуткую птицу взаимного душевного расположения!)

Недавно ехал я из Москвы в командировку и попутчиком моим оказался именно такой веселый, словоохотливый человек, да к тому же еще и умница. Звали его Дмитрий Иванович С. Партийный работник, тертый калач, много повидавший за свои сравнительно еще молодые годы. Ехали мы с ним в купе вдвоем, и Дмитрий Иванович рассказал мне тьму всяческих историй из жизни, и смешных и печальных, из которых я — пока! — выбрал для огласки одну. Думаю, что Дмитрий Иванович не посетует на меня за то, тем более что, прощаясь, я показал блокнот с записями, которые сделал уже ночью, когда мой попутчик, наговорившись, спал безгрешным сном. Дмитрий Иванович посмотрел на исписанный блокнот, потом на меня, покачал головой и усмехнулся.

— Та-а-ак! Значит, сидели, слушали да на ус мотали?! Ну, что же, пользуйтесь. Только... из арифметики переведите все в алгебру. Ни подлинного места действия, ни подлинных имен не называйте. Не надо! Так даже полезней. Идет?

— Идет! — сказал я, и мы расстались друзьями.

Вот эта история, услышанная мною от Дмитрия Ивановича С. в поезде на перегоне Курск — Харьков.

— Объезжал я как-то — года два — три тому назад — на газике колхозы района, где только недавно начал работать. Ехал один, с шофером Василием Ивановичем Городцовым, человеком примечательным до некоторой степени. Служил он в районном Заготскоте счетоводом, а в пятьдесят четыре года окончил автомобильные курсы и стал заправским шофером, да еще, как говорится, «с уклоном в лихачество». Внешность Василий Иванович имел при этом весьма интеллигентную, седые усы и бородку аккуратно подстригал, носил опрятный пиджачок с галстуком и изъяснялся вычурно и ви-[redacted]

Получалось это у него примерно так:

— Я, Дмитрий Иванович, пошел в шоферы на закате, можно сказать, своего земного существования потому, что захотелось мне хоть напоследок побыть «с веком наравне».

— Это как же прикажете Вас понимать, Василий Иванович?

— Так ведь век у нас технический, Дмитрий Иванович, атомный. Одним словом, интеграл-с! Только техника, Дмитрий Иванович, повышает жизненный тонус современного человека, не говоря уже о его зарплате. Возьмите меня. Сейчас я состою при автомобиле, то есть при технике, и, заметьте, переживаю вторую молодость, чтобы не сказать третью. Конечно, я понимаю: счетоводы тоже нужны. Социализм — это учет! Но, с другой стороны... надоела мне лично цифирь, Дмитрий Иванович, пропади она пропадом! Заедала она меня, проклятая, как сварливая жена покорного мужа. И ведь что такое цифра? В конкретном смысле абстрактная закорючка. А эта закорючка душу сушит, Дмитрий Иванович, и геморой развивает в теле...

Все это с руками на баранке и при скорости 80 километров в час.

Водку Василий Иванович не пил («Врачи авторитетно вычислили, что свою жизненную норму по водке я еще к сорока годам перевыполнил на двести пятьдесят процентов!»), предпочитал молоко, но пил его в чайных и закусочных, куда мы заезжали, не стаканами, как все добрые люди, а стопками или рюмками. При этом морщился, крякал, охал, мотал головой, а выпив, крепко ставил на стол и щелкал пальцами. Глядя на него, посетители смеялись, а он важно заявлял:

— Рефлекс! По Павлову! По Ивану Петровичу!..— И многозначительно поднимал палец.

Большой был чудак!..

Вот с этим самым Василием Ивановичем Городцовым и заехали мы в колхоз «Спартак» на животноводческую ферму поглядеть, как дела идут.

Колхоз «Спартак» был не из сильных колхозов, а в председателях ходил там Куличков Егор Егорович — тоже личность в своем роде примечательная.

Человек не деревенский, но в

деревне живет давно и сельское хозяйство, в общем, знает.

Если взять Егора Егоровича и, так сказать, разобрать его на составные части,— все хорошо, даже прекрасно! Не пьяница. Семьянин. Честный. Исполнительный. Дисциплинированный. А соберешь вместе, получается чепуха! Кисель какой-то клюквенный, а не человек!

Беда его была в том, что исполнительность — сама по себе черта неплохая — развилась у него до абсурдно гигантского размера в ущерб всему остальному. Всякое «начальство» Егор Егорович уважал несказанно, трепетно, богобоязненно и притом совершенно искренне, без тени подхалимажа. А так как начальства у него было много и во всевозможных указаниях и директивах, как вы знаете,

нехватки в то время не ощущалось, то Егор Егорович как хозяин полегоньку да потихоньку утратил всякую способность к самостоятельному мышлению и действию. Впрочем, я отвлекся, извините!..

Итак, подъезжаем мы к ферме «Спартака» и еще издали слышим какие-то стуки, железный лязг, бой колокола, грохот, мычание и душераздирающий крик животных. Что за притча?!. Городцов оборачивается, говорит:

— Не то домового хоронят, не то ведьму замуж выдают. По Пушкину! По Александру Сергеевичу.

— А ну-ка, газаните, Василий Иванович, поглядим на эту «ведьму».

Василий Иванович «газанул», и мы через пять минут были на месте.

Выходим из машины и видим такую картину. Под крышей коровника развешаны куски железа, обрубок рельса, медные тазы, старый церковный колокол небольшого размера. Хлопчики лет по пятнадцати — по четырнадцати изо всех сил лупят кто кочергой, кто какой-то железякой по всему этому хозяйству. Коровы стоят во дворе фермы и, конечно, ревут, «олицетворяя слуховое возмущение живого естества этой железной какофонией», как изысканно выразился потом мой чудаковатый шофер.

Егор Егорович Куличков стоит в сторонке с подвязанной щекой (у него всегда зубы болели), лицо страдальческое, смотрит на ручные часы.

Делаю ему знак (голоса не слышно) подойти.

Мотает головой и, показывая на свои часы, демонстрирует два растопыренных, довольно грязных пальца. Дескать, потерпите, пожалуйста, еще две минутки.

Терпим!

Наконец он поднимает руку, и хлопчики перестают лупить железяками. Наступает тишина. И, честное слово, мне показалось, что бедные буренки все разом облегченно вздохнули из глубины своей коровьей души.

Куличков подходит, узнает меня, и в глазах у него появляется восторг, какой обычно возбуждали в нем вышестоящие товарищи.

— Разрешите докладывать, товарищ секретарь?

— Не надо никаких докладов! Просто объясните мне, что тут у вас происходит?

— Происходит научный опыт, товарищ секретарь. Приезжал к нам из области, из института, кандидат наук товарищ Сигаев Викентий Викентьевич, привез бумагу — оказать содействие, так и далее. Товарищ Сигаев пишут диссертацию на тему... как это?.. «О влиянии слухового раздражения на повышение удойности у коров»... Вот мы и создаем, согласно полученных указаний, соответствующую звуковую обстановку. По инструкции действуем, товарищ секретарь, точно: десять минут бьем, десять отдыхаем.

— Вот оно что!.. Ну и как, повысились от этого удои?

— Пока нет!..

— А с кормами как у вас дело обстоит?

— С кормами дело обстоит... неважно!

— Прошу извинить! — вмешивается в разговор мой Василий Иванович.— Насколько я понимаю, данный научный опыт построен на рефлексах, только не могу угадать, на каких...

— Товарищ Сигаев говорили, что вот, мол, в ресторанах первого разряда музыка для чего дается? Для повышения аппетита столующихся. А тут...

— Э, нет, почтенный! — перебивает Куличкова мой шофер.— Какое же может быть сравнение? Там в себя принимают, а тут из себя отдают. Там люди, тут животные; там музыка, тут черт-те что!... Загибает ваш Сигаев!

— Им виднее!.. Наука!..

А тут доярки к нам подошли, хлопчики с железяками, стоят, слушают.

Пожилая доярка уперла руки в бока, говорит:

— Прикажите ему, товарищ секретарь, прекратить это безобразие. Нас он не слушает, для него бумага — все. Ведь это же что такое?.. Слон — и тот не выдержит, не то что корова!..

Я говорю Куличкову по возможности спокойно:

— Надо прекратить опыт, Егор Егорович. Наука разная бывает. Есть еще, к сожалению, и лженаука. С областью я поговорю, мы этого вашего Сигаева приведем в чувство. Перестаньте только коров и людей мучить!

Вижу, у него в глазах забегали радостные огоньки, но... мнется, топчется на месте.

— Ну, в чем дело, Егор Егорович?

— Пока вы, товарищ секретарь, поговорите с областью, пока то да се, а он завтра обещался приехать, Сигаев. Будет требовать!

— Гоните вон!

— Бумага у него, товарищ секретарь.

— Сошлитесь на меня. И гоните!

— Не уйдет! Бумага у него!

Тогда я спрашиваю:

— А бык у вас как, серьезный?

Белобрысый хлопчик с железякой отвечает за Куличкова:

— Бык у нас подходящий. Дунаем зовут. Мы его на чепи держим.

— Вот вы Дуная вашего и спустите с «чепи» на Сигаева, товарищ Куличков, если он не захочет сам добром уйти!

Доярки засмеялись на мою шутку, но Куличков даже не улыбнулся, только вздохнул да поправил повязку на щеке.

Я простился с народом и уехал. К себе в район я попал только через два дня, сейчас же позвонил в обком и рассказал первому секретарю про безобразия кандидата наук Сигаева.

Прошла неделя, и снова я заехал в «Спартак». И тут узнал то, что меня буквально потрясло: исполнительный Егор Егорович выполнил мое «указание» точно, то есть сначала предложил Сигаеву удалиться, а когда тот отказался и стал разговаривать басом, спустил на него быка, заявив при этом, что «действует по директиве районных организаций».

Рассказал нам с Василием Ивановичем об этом знакомый белобрысый хлопчик.

— Да что он у вас, в уме, ваш Куличков?! — вырвалось у меня.— Разве можно на человека быка спускать?! Я же пошутил! Ведь Дунай мог забодать этого кандидата наук!

— Не! — сказал хлопчик.— Не мог. Кандидат дюже резвый попался. Как чесанул, так только на станции остановился. Полтора километра бежал, как... этот... спринтер!

Мы с Городцовым переглянулись, и старик произнес с обычной своей важностью:

— Рефлекс! По Павлову! По Ивану Петровичу!

...При новом председателе дела у колхоза пошли в гору.

Подводный самострел

Работник Киевского завода радиоаппаратуры В. И. Бондаренко с рыболовным ружьем для подводной охоты на крупных рыб.
Фото Н. Крылова (ТАСС).

Нынешним летом на Днепре можно было наблюдать необычное зрелище: в воде быстро передвигался спортсмен-рыболов в водолазной маске, вооруженный подводным ружьем. Охотник был обут в туфли-ласты из плотной резины, ноги его приобрели сходство с лапами водоплавающих птиц. На руки были надеты перчатки с резиновыми перепонками. Это позволяло плыть с большой быстротой. Вот рыболов остановился и ушел глубоко под воду. Прошла минута, другая... Там, в глубине, началась увлекательная охота на крупную рыбу. Вскоре на поверхности показалась голова охотника, блеснуло смотровое стекло водолазной маски. Подводный снайпер тянул за собой на шнуре большого леща, пронзенного гарпунной стрелой.

Испытания изготовленного одним из киевских заводов рыболовного ружья для подводной охоты на крупных рыб прошли успешно. Завод выпустил небольшую экспериментальную партию таких ружей с полным комплектом приспособлений. Ствол ружья представляет собой трубку из легкого алюминиевого сплава. Она имеет пистолетную ручку со спусковым механизмом. Ствол заканчивается направляющей головкой с резиновыми амортизаторами. Эта упругая «тетива» натягивается и толкает при спуске стальную стрелу-гарпун. Длина полета стрелы — почти пять метров. С ружьем ее связывает тонкий шнур. После вылета стрела может плавать на поверхности в вертикальном положении, как поплавок.

При погружении в воду спортсмен-рыболов надевает легкую водолазную маску с клапанным устройством, регулирующим дыхание, а на спине укрепляет небольшой баллон с кислородом, подключенным к маске. Охотник может находиться под водой продолжительное время.

Интересный способ подводной охоты привлек внимание любителей рыболовного спорта, мечтающих побродить с ружьем по дну речному и, как шутят в Киеве, «убить кита в речке Гнилопятке». Уже поступают письма с просьбами организовать широкий выпуск подводных ружей.

В. ШУМОВ

ТУРНИР В ГЕТЕБОРГЕ

— Как вас звать?

— Тамара Михайловна. Платите двадцать копеек.

Шутка Г. Пирцхалавы.

Улов был обильный и разнообразный.

Рисунок Л. Самойлова.

Ликвидация холостого пробега.

Изошутка В. Кащенко.

6 СЕНТЯБРЯ.

Интерес к турниру растет, и теперь соревнования проходят в новом, большем помещении. Перерыв, связанный с переходом в другой турнирный зал, оказался не всем участникам на пользу. Сегодня перед А. Фудерером в партии с Л. Сабо стояла трудная в психологическом отношении задача. Он в прошлом уже проигрывал Сабо. Фудерер, увлекшись, забыл пословицу «Не рой другому ямы, сам в нее попадешь». Сабо опроверг ловушку Фудерера на 11-м ходу и затем легко выиграл. Чемпион США А. Бисгайер перевел партию с Е. Геллером в элементарное пешечное окончание и смотрел на чемпиона СССР, как бы намекая на то, что пора соглашаться на ничью. Убежденный в ничейном исходе партии, Бисгайер в дальнейшем допустил неосторожный ход королем и... сдался.

Темпераментно сражались О. Панно и Б. Спасский, которым вместе 38 лет.

— Спасский еще слишком молод,— с улыбкой сказал двадцатилетний аргентинский «ветеран», одержав победу в этой интересной встрече.

Уверенно продолжает шагать к цели (попадание в девятку) представитель Урала мастер Г. Иливицкий, заработавший сегодня очко у венесуэльца А. Медины.

7 СЕНТЯБРЯ.

Одна из прелестей шахмат заключается в том, что это игра неисчерпаемых возможностей. Не было случая, чтобы две шахматные партии протекали одинаково до самого конца. В сегодняшнем туре произошел совершенно невероятный случай. Советские шахматисты Е. Геллер, П. Керес, Б. Спасский играли белыми против аргентинцев О. Панно, М. Найдорфа и Г. Пильника. Три шахматных столика были расположены рядом. Во всех этих трех партиях в быстром темпе разыгрывался известный вариант сицилианской защиты. После 13-го хода на всех трех досках *получилась* идентичная позиция. Советские шахматисты один за другим пожертвовали фигуру! Однако аргентинцев эта жертва не застала врасплох. Наоборот, они сами «ловили» на этот вариант советских шахматистов, считая на основе домашнего анализа жертву фигуры неправильной.

Следующий ход Геллера, однако, не был предусмотрен аргентинцами, позиция Панно оказалась безнадежной, и вскоре он сдался. Видя на примере Панно, какая печальная судьба уготована черным, Найдорф и Пильник избрали другое продолжение. Партии Керес — Найдорф и Спасский — Пильник протекали аналогично. Не помог и этот вариант защиты. Найдорф сдался. То же самое, после нескольких бесполезных ходов, должен был сделать затем и Пильник.

Аргентинцы с упреком смотрят друг на друга. Подготовленный ими дома вариант оказался «с дыркой». В конце концов они сваливают всю вину на своего тренера Ю. Балбачана, который заявил, что нечего бояться играть этот «верный» вариант даже с советскими шахматистами.

Энергичная игра шахматных близнецов П. Кереса — Е. Геллера — Б. Спасского заставила и «ничейника» Т. Петросяна принять энергичные меры. Комбинированными ударами он нанес поражение четвертому аргентинцу, К. Гимару.

Ну, а «заодно» не ушел от разгрома и пятый представитель Южной Америки, А. Медина, не оказавший серьезного сопротивления лидеру турнира Д. Бронштейну.

9 СЕНТЯБРЯ.

Турнир подходит к концу, и многих участников ничья уже не устраивает. Кое-кто начинает играть излишне рискованно, азартно. К. Гимар, невзирая на материальные потери, бросился в атаку на позицию П. Кереса. В результате в конце партии ему уже нечем было атаковать. Б. Спасский предложил М. Найдорфу ничью. Аргентинцы обычно охотно принимают такое предложение, но сегодня гроссмейстер ответил молодому противнику, что при его турнирном положении ничья равноценна проигрышу. Отказался от ничьей Найдорф удачно. Спасский проиграл партию.

Несомненно, что поклонники Е. Геллера волновались, наблюдая его неважное турнирное положение. Сегодня Геллер выиграл у Г. Пильника, отбросив аргентинского гроссмейстера из девятки, и сам «вышел в люди», став в турнирной таблице рядом с непобедимым Т. Петросяном.

10—11 СЕНТЯБРЯ.

«Разыгрался» П. Керес: в последних шести партиях он набрал 5,5 очка. Сегодня советский гроссмейстер создал миниатюрную партию против А. Фудерера. Уже на 18-м ходу Фудерер сдался. Если для П. Кереса эта неделя кончилась исключительно удачно, то для А. Фудерера она была весьма плачевной. В четырех партиях он набрал только пол-очка и откатился с одного из первых мест во вторую группу участников.

Два раза О. Панно отверг миролюбивое предложение Д. Бронштейна, причем без достаточных оснований. Партия была отложена. Перед доигрыванием ее аргентинский мастер выразил сожаление, что не согласился вчера на ничью. Однако в третий раз Бронштейн ничью уже не предлагал, он наказал молодого мастера за невежливое отношение к лидеру турнира.

Перед финишем советские шахматисты занимают хорошее положение в турнире.

Наиболее острая борьба предстоит лишь за 9-е место. Кроме Б. Спасского, на это место могут претендовать А. Фудерер, Л. Пахман, Г. Пильник, а при особо удачном финише и М. Найдорф и Б. Рабар.

Сало ФЛОР

Бархат амурский

Это могучее дерево, своей широкой, раскидистой ажурной кроной заслонившее старинный архитектуры дом,— пока еще редкий житель Подмосковья. Но его вид говорит о том, что живется ему здесь ничуть не хуже, чем на родине — вдоль уссурийских рек и речек, в лесах Приморья и в других местах Дальнего Востока.

Бархат амурский, бархатное дерево — так называется оно — привлекает не только любителей эффектной декоративной растительности. В нем заинтересованы винодельческая и электротехническая промышленность, судостроение, рыбный промысел. Бархат амурский драгоценен пробкой — эластичной светлосерой одеждой его цилиндрического ствола. Из пробки делают термоизоляционные материалы, спасательные пояса и поплавки для неводов, порошок из пробки добавляется в типографскую краску и применяется для изготовления линолеума...

Разводить это неприхотливое дерево можно очень широко, не только на Дальнем Востоке, но и по всей средней и северной полосе европейской части СССР, на Украине, в Белоруссии, в предгорьях Кавказа.

На последней странице обложки этого номера журнала «Огонек» показано бархатное дерево, растущее в Подмосковье.

Г. ВЛАДИМИРОВА

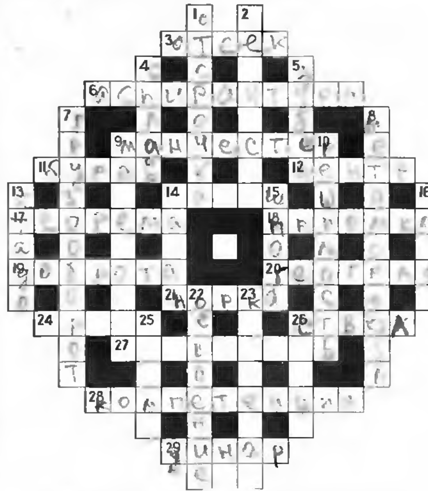
КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Часть корабля между водонепроницаемыми переборками. 6. Система подготовки научных кадров. 9. Английский порт. 11. Инструмент для сверления. 12. Средоточие, середина. 14. Город в Польше. 17. Математическое утверждение. 18. Получение оборудования, материалов. 19. Отзывчивость. 20. Ученый. 21. Пушной зверек. 24. Вязаная ткань. 26. Часть шахты. 27. Металлургический завод на Украине. 28. Осведомленность в определенных вопросах, круг полномочий. 29. Денежная единица в Югославии.

По вертикали:

1. Продление времени действия документа. 2. Река в Северной Америке. 4. Вещество из смешения металлов. 5. Выступ на шестерне. 7. Один из показателей работы транспорта. 8. Превращение. 9. Представительница южнославянского народа. 10. Смелость, готовность действовать. 13. Гурт. 14. Камчатский бобр. 15. Спортивное оружие. 16. Персонаж оперы Римского-Корсакова «Царская невеста». 22. Овладение. 23. Пролив между Балтийским и Северным морями. 25. Посев. 26. Город в Белоруссии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

5. Перевал. 7. Перевес. 8. Емца. 9. Кокс. 10. Рост. 12. Аврал. 13. Орша. 14. Сербы. 15. Доказательство. 20. Барражирование. 24. Берег. 26. Егор. 27. Старт. 28. Верн. 29. Айва. 30. Изюм. 31. Беранже. 32. Мичурин.

По вертикали:

1. Лесовод. 2. Автол. 3. Брасс. 4. Серебро. 6. Лесонасаждение. 7. Параллелограмм. 9. Каюк. 11. Тент. 16. Овца. 17. Адур. 18. Сага. 19. Вари. 20. Бреннер. 21. Ржев. 22. Нота. 23. Европий. 25. Гейне. 27. Свеча.

В этом номере на вкладках: четыре страницы репродукций картин А. Е. Архипова и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление В. Епанешникова.

А 04668. Подп. к печ 14/IX 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 773. Заказ 2291. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Забег сильнейших.

Фото С. Раскина.

Цена номера 3 руб.